

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2005

Содержание

1. О «КУЛЬТУРЕ»
2. ГЕДРОЙЦ, «КУЛЬТУРА», УКРАИНА
3. ЕЖИ ГЕДРОЙЦ И ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРА» В ПЕТЕРБУРГЕ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. ПУСТОШЬ
6. У МЕНЯ НЕТ СЛОВ
7. ЧЕЛОВЕК С НАДЕЖДОЙ
8. НЕЖЕЛАНИЕ ВЗРОСЛЕТЬ
9. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
10. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

О «КУЛЬТУРЕ»

14 сентября исполняется пять лет со дня двойной кончины

— журнала «Культура» и его основателя и бессменного редактора Ежи Гедройца

«Литературный институт» («Институт литерацкий», так называлось издательство, которое кроме самой «Культуры» выпускало также «Зешиты хисторичне» — «Исторический тетради» — и, естественно, книги) прочно обосновался в подпарижском городке Мезон-Лаффит, откуда и взялось название, под которым журнал был всем известен: парижская «Культура». Там жил и работал маленький коллектив, собравшийся вокруг Ежи Гедройца. Их дом, как написал один из лучших авторов «Культуры» Константы Еленский, имея в виду трудные условия жизни, представлял собой «нечто среднее между кибуцем, монастырем и фаланстером».

Гедройц был первым главным редактором «Культуры» и оставался на этом посту до самой смерти. Можно сказать, что он был редакционным самодержцем, обладавшим, как он сам о себе говорил, «аподиктической настроенностью».

Относительно редакции и своей роли в ней Гедройц не оставлял ни малейших сомнений. «В редакцию, — ответил он как-то на вопрос журналиста, — входят редактор Ежи Гедройц, редактор Гедройц Ежи, Ежи Гедройц, главный редактор, Гедройц, Ежи и другие члены редакции «Культуры»». Но именно эта «настроенность» позволила ему в таких условиях и с таким малым числом сотрудников совершить тот огромный труд, каким было издание журнала, выходившего больше полувека, книг, «Исторических тетрадей», специальных номеров на русском, немецком, белорусском, чешском и словацком языках.

В свой вершинный период «Культура» выходила тиражом около 7 тыс. экземпляров и имела подписчиков почти во всех некоммунистических странах. В коммунистические страны, главным образом, конечно, в Польшу (хотя отчасти и на Украину и, вероятно, в Россию), она тоже доходила, но нелегально, контрабандой и... бесплатно, что ложилось серьезным грузом на бюджет издательства. К этому следует прибавить издание книг, занятие необходимое, но обычно неприбыльное. Единственным исключением было издание «Доктора Живаго», который разошелся тиражом 15 тыс. экземпляров.

Гедройц сам, собственно говоря, не писал. «Редактор, — говорил он, — не должен писать в своем журнале. Редактор — это режиссер. А режиссеры редко бывают хорошими актерами». Но, что оказалось важнее всего, его трудности с писанием и, как ныне говорят, «коммуникацией», превратились в высочайшие редакторские достоинства. То, что он сам, за малыми исключениями («Заметки редактора»), не писал, дало ему огромную свободу открывать и верно оценивать таланты у других. То, что мешало ему в непосредственных контактах с людьми, привело к тому, что он написал колоссальное количество писем. Наряду с 637 номерами журнала, ежеквартально выходившими «Историческими тетрадями» и издававшимися книгами переписка Гедройца, прежде всего с Юлиушем Меровским, но и с другими его важнейшими сотрудниками и авторами (Витольдом Гомбровичем, Ежи Стемповским, Мельхиором Ваньковичем и др.) была тиглем идей «Культуры», а сегодня стала сокровищем и в некотором смысле надеждой польской культуры.

Авторы «Культуры» представляли собой очень странную стаю. На протяжении своего существования «Культура» напечатала около 2,5 тысяч авторов, представлявших пять поколений, однако круг настоящих, более или менее регулярных сотрудников был куда уже: он насчитывал, может быть, три десятка имен. Попасть на страницы «Культуры» и прочно там закрепиться было нелегко. У Гедройца были очень высокие формальные и интеллектуальные требования. Кроме маленькой группы, которая работала на месте, в Мезон-Лаффите, даже самые близкие авторы «Культуры» были рассеяны по всему свету. Они были отовсюду — из Польши и эмиграции, представляли различные традиции, а также «пережитки» прошлого, но важен был только ум и талант — что и как они могли сказать. Поскольку у Гедройца была страсть и вдобавок везение на молодых или старых, но способных, талантливых авторов, то он собрал вокруг себя не кого попало, а лучшие перья и умы демократической эмиграции (уже упомянутый Меровский, Юзеф Чапский, Густав Герлинг-Грудзинский, Чеслав Милош — задолго до Нобелевской премии, Витольд Гомбрович — несостоявшийся нобелиат, Стемповский, Еленский, М.Бронский — псевдоним Войцеха Скальмовского, Кшиштоф Помян, один из самых близких сотрудников Гедройца, соавтор его «Автобиографии в четыре руки» — пока что единственной серьезной, хотя и не доведенной до конца, биографии Гедройца^[1]).

Все старались быть объективными, но никто не был нейтральным. При условии, что автору действительно было что

сказать, Гедройц, уважая чужие мнения, открывал страницы журнала и тем, чьи взгляды были непопулярны или разделялись только меньшинством, а главное, расходились с мнением самого Гедройца и редакции, даже если приходилось отметить это специальным примечанием или комментарием.

Для писателей и публицистов «Культуры», свободных от цензуры в любой ее форме, не было запретных тем. Иначе говоря, на протяжении сорока с лишним лет «Культура» была единственным польским периодическим изданием, где поднимались темы, которые в других органах печати душила либо цензура, как в коммунистической Польше, либо предрассудки и мифы, как в эмигрантской прессе.

Особого внимания заслуживает бескомпромиссная позиция «Культуры» и Гедройца по отношению к еврейскому вопросу и польскому антисемитизму. В этом щекотливом вопросе, отягощенном прошлым, «Культура» представляла самое лучшее, что было в польской мысли.

Была ли какая-то линия «Культуры»? Не было. Была догма «независимости любой ценой», включая независимость финансовую, которая, по мнению Гедройца, не только давала гарантию полной свободы слова, не зависящей ни от какого нажима извне, но и создавала кредит доверия у читателей.

Не было также никакой кодифицированной и обязательной программы. Программа, по мнению Мерошевского, — это «воздушный шар красивых фраз, носящийся над пустыней мысли». Это, конечно, шутка. Однако «Культура» не имела и не предлагала никаких готовых решений. Линию, программу, решения «Культура» желала и, пожалуй, сумела заменить дискуссиями, поисками решений и, наконец, выработанными этим путем убеждениями.

Так было, например, в отношении одного из центральных вопросов, касавшегося ориентации «Культуры» в целом и ее отношения к коммунистической системе, который сжато можно выразить как дилемму «эволюционизм или революционизм».

«Наше кредо, — писал Мерошевский в 1968 г., — свержение коммунизма. Хорош любой метод, который ведет к этой цели... На страницах «Культуры» есть место как эволюционистам, так и революционерам, поскольку их единит общность цели. Наша программа — перестройка Советского Союза и введение демократии в Восточной Европе».

Таким образом, «Культура» была журналом без раз и навсегда написанной программы, но в то же время журналом без иллюзий, без предрассудков, без запретов, журналом нонконформистским, иногда даже преувеличенно; она боролась с национализмом, шовинизмом, остракизмом, клерикализмом, антисемитизмом — всеми польскими национальными фобиями.

И если бы кредо «Культуры» официально существовало, оно звучало бы примерно так: независимая, демократическая, светская, терпимая и образованная Польша. Миссия Гедройца и его «круга» (как он называл своих сотрудников) — спасение польской культуры и здравого разума, уважения к тем нескольким ценностям, которые лежат в основе нашей цивилизации. Пожалуй, это и сделало «Культуру» невероятно важным фактором в формировании облика польской интеллигенции.

С первого номера «Культура» считала, что судьба Польши неотделима от судьбы Европы. Стоит привести слова из статьи Меровского, пожалуй, самой важной, какую он когда-либо написал. «Тезис Бисмарка, — писал Мерошевский в 1954 г., — гласящий, что абсолютный суверенитет есть конечная цель национальных чаяний, сегодня стал анахронизмом. «Культура» исповедует мнение, что свобода — это высшая цель, которой все должно быть подчинено. Первый вопрос в политическом букваре — это не: будет ли Польша независимой? но: будет ли завтрашний мир миром свободных людей? (...) Независимость Польши (между Россией и Германией), рассматриваемая в отрыве от проблемы радикальной перестройки международной и в особенности европейской системы, — греза из потустороннего мира».

И в этой новой, радикально, как гласила «Культура», перестроенной Европе, которую журнал с самого начала отождествлял с развитой рыночной экономикой, прогрессом и демократией, Польша должна играть роль, несоразмерную ее географическим размерам или экономическому потенциалу. Польша должна стать центром великих — в масштабе большого региона Европы — геополитических преобразований, основанных на союзе с соседями, прежде всего со свободными, независимыми и демократическими Литвой, Белоруссией, Украиной и, разумеется, такой же Россией.

Когда полвека назад «Культура» такое писала, самые трезвые специалисты крутили пальцем у виска. А сегодня...

Достаточно привести один, зато принципиальный пример величия и размаха мысли Гедройца. Идя наперекор всему польскому обществу — в Польше и в эмиграции — «Культура» еще в №11 за 1952 год (!!!) опубликовала письмо свящ. Юзефа Маевского, где был брошен лозунг сознательного — а не под советским нажимом — отказа Польши от Львова и Вильнюса. Маевский объяснял, что полякам следует понять: их судьба неотделима от судьбы украинцев и литовцев и они не могут защищать свои претензии на границу по Одру — Нейссе, не признав основательность претензий своих украинских и литовских соседей на Львов и Вильнюс.

Ксендз Маевский из далекой Южной Африки писал тогда в «Культуре»: «Литовцы никогда не забудут о Вильнюсе (...) украинцы не отдадут нам Львов. Пусть литовцы (...) радуются своему Вильнюсу, а во Львове пусть развевается желто-голубой флаг (...) Наверное, тогда у наших соседей с севера и востока возникнет к нам доверие. При сотрудничестве Литвы и Украины федерация Центральной и Восточной Европы станет совершившимся фактом». А когда в январе 1953 г. «Культура» печатала письма, резко полемизировавшие с ее позицией по вопросу Львова и Вильнюса, то прибавила к ним комментарий, в котором «во избежание недоразумений» еще раз сформулировала свою неизменную точку зрения по этому вопросу.

Интеллектуальная биография Гедройца, который умер на 95 м году жизни, не переставая работать, не вмещается в этот короткий текст. Поэтому скажем крайне сжато: это был визионер и неподкупный моралист в смысле полного приоритета интересов Польши. Но в то же время это был замечательный редактор. Для Гедройца, родившегося почти сто лет назад, важным было только печатное слово, которое, по его словам, в восточной части Европы обладало огромной, прямо-таки магической силой воздействия. Если бы Гедройцу пришлось начинать заново сегодня, он наверняка признал бы охват телевидения и Интернета, но 50 лет назад, хотя и понимая роль радио и ценя, например, «Свободную Европу», которая, в частности, знакомила польских слушателей с «Культурой», он, наверное, был прав в отношении той магии, с какой печатное слово воздействовало на поляков. Место «Культуры» в истории Польши полностью это подтверждает.

Как всякий истинный патриот, Гедройц был постоянно недоволен ходом дел в Польше. Этим постоянным состоянием разочарования и неудовлетворенности следует объяснять его категорический отказ от поездки в Польшу, не говоря уж о

возвращении навсегда — даже... в гробу. В сентябре 1991 г. Гедройц поручил мне поехать в Варшаву на открытие первой в Польше выставки «Культуры». Перед отъездом, зная, что меня ожидает, я спросил его, что мне говорить всем, кто сочтет — и справедливо, — что в этот день выступать в Варшаве от имени «Культуры» следует Гедройцу, а не мне или любому другому. Вот наш диалог:

— Как мне объяснить ваше отсутствие?

— Скажите им, что я приеду, когда в Варшаве будет демократически выбранный Сейм, будет принята демократическая конституция и уже не будет советских или российских войск.

— А когда все это уже наступит — приедете?

— Тогда, скажите, подумаю...

Так и не поехал. Похоронен на кладбище в Мезон-Лаффите.

Распространение «Культуры» в коммунистической Польше, что излишне объяснять, было запрещено. Ее номера в первую очередь искали на границе таможенники и пограничники. Тем не менее она в Польшу попадала и нелегально расходилась, что требовало не только храбрости тех, кто ее привозил, но и немалой фантазии. Несколько номеров удалось провезти, так как на обложке был напечатан портрет Рокоссовского, а в качестве издателя фигурировало парижское Общество друзей Ванды Василевской. Другие, например знаменитые в Польше крохотные издания (меньше карманного формата), доставлял... ветер — на воздушных шарах. Множество экземпляров «Культуры» прибыло в Польшу в рюкзаках молодежи, которая не боялась рисковать и нередко платила за это тюрьмой. В целом экземпляров в Польшу попадало не очень много, но это скорее с восхищением говорит о несоразмерном физическому объему влиянию «Культуры» на мышление поляков и их выбор своей позиции.

Источники этого влияния были разные. У каждого экземпляра было много читателей. Прежде всего журнал попадал в среду интеллигенции, оказывавшей влияние на остальное общество; содержание «Культуры» передавала «Свободная Европа», несмотря на глушилки имевшая большое влияние в Польше; «Культуру» перепечатывали — лучше или хуже: иногда это были отдельные статьи, переписанные на машинке через копирку, иногда целые номера в приличной обложке и с хорошим качеством печати, выпущенные независимыми

издательствами. И журнал попадал не только в Польшу. Когда в 1991 г. я впервые в жизни был в Киеве, несколько человек узнали мою фамилию, ибо знали меня как постоянного автора «Культуры».

О «Культуре» уже написаны книги, сотни научных работ. Однако если бы я хотел определить какую-то главную или одну из главных ведущих идей «Культуры», то сегодня сказал бы, что одна тема проходит через всю историю журнала: Польша и Восток — говоря точнее, Гедройц и парижская «Культура» как источник вдохновения и осуществления польской восточной политики. Эту линию можно начать хотя бы с приведенного мною знаменитого тезиса о Вильнюсе и Львове, а закончить последним, сентябрьским номером «Культуры» 2000 года, где содержится, в частности, анализ причин, почему Россия не может, даже если бы очень хотела, блокировать новое, на этот раз «массовое», расширение НАТО за счет прибалтийских стран и еще четырех государств Центральной и Восточной Европы...

Однажды на каком-то «авторском вечере» уже в демократической Варшаве кто-то спросил меня, как я могу в самом сжатом виде определить мое приключение с «Культурой». Я ответил, что с «Культурой» в моей жизни было так, как с лунной программой «Аполлон» в жизни американцев. Успех состоял не в том, что благодаря «Аполлону» Нейл Армстронг поставил ногу на Луну, а в том, что человек смог наконец-то посмотреть на Землю издали. От всей души приглашаю вас в путешествие на Луну с помощью «Культуры» — не пожалеете.

-
1. К приведенному Л.Унгером списку следует, конечно, добавить его самого, печатавшего в «Культуре» с конца 60-х из номера в номер обзоры международного положения под псевдонимом «Брюсселец». И случайно, видимо, упущенного Михаила Геллера, который с того же времени и тоже из номера в номер писал для «Культуры» (под псевдонимом «Адам Кручек») обзоры советской, а под конец — и уже под своей фамилией — российской печати. — Ред.

ГЕДРОЙЦ, «КУЛЬТУРА», УКРАИНА

Все как будто движется к исполняющемуся в будущем году столетию со дня рождения Ежи Гедройца (хоть на том свете, а «порадовать старика») — не столько выход рецензируемых книг, сколько «оранжевая революция» и один из ее важнейших косвенных результатов: всерьез наметившееся польско-украинское примирение. Книги-то, увесистые тома, понятное дело, готовились задолго, безо всяких расчетов на такую внезапную перемену политической обстановки, но вписываются в нее замечательно.

На страницах «Новой Польши» уже неоднократно говорилось о концепции УЛБ Меровского — Гедройца: независимость Украины, Белоруссии и Литвы (с отказом от польских претензий на Вильнюс и Львов) — в частности как основа будущих добрых отношений Польши и России. Эта концепция проводилась на страницах «Культуры» десятки лет с удивительным упорством, долго не находя поддержки в широких кругах польской эмиграции и лишь постепенно найдя таковую в самой Польше, в ее оппозиционных кругах, вскармливавшихся и возраставших на «Культуре» во всех отношениях, в том числе и в этом.

Украинское издание открывается выступлением Юзефа Чапского на Конгрессе свободы культуры (Берлин, 1950), опубликованном в «Культуре» под весьма злободневным по нашим временам названием — «В Берлине об объединенной Европе». Там он, в частности, сказал слова, которые стоит услышать и нам, сегодняшним русским:

«Я стремился показать абсурдность тезиса, согласно которому линия Эльбы — граница Европы. Однако здесь, в Берлине, я столкнулся с другим утверждением: что линия Керзона, то есть линия Риббентропа — Молотова, должна стать границей федеративной системы Европы. Все, что за ней, — это уже дело устройства народов СССР, или, как некоторые это называют, «народов России»: от них зависит, в какой форме они друг с другом — но всегда только друг с другом — будут строить свое будущее. Разве эти страны не принадлежат к Европе? Разве мы можем усомниться в европейском характере, например, Украины? Когда я говорю об этом, я отнюдь не имею в виду

расчленения России, но мы хотели бы услышать ясный голос свободных русских, который обеспечит народам, входящим ныне в состав Советского Союза, не только автономию, не только согласие на внутреннюю федерацию народов СССР, но и согласие на свободу выбора, как и с кем они хотят федерироваться. Этот вопрос — не внутреннее дело России, он касается всей Европы, с которой такие страны, как Украина, исторически связаны куда больше, чем знает на этот счет рядовой европеец. Проблема эта, тем не менее, трудна и болезненна как для поляка, так и для русского, но мне кажется, что позиция по этому вопросу может быть наилучшим критерием доброй воли к федерации...»

В конце концов те «свободные русские», о которых мечтал Чапский, появились. Помню, как в 1969 г. в большой московской компании, собравшейся отпраздновать день рождения уже арестованного генерала Григоренко, Вячеслав Чорновил поднял тост «за вашу и нашу свободу». Помню, как из номера в номер писала о судьбах украинских политзаключенных и гонимых «Хроника текущих событий», как помогали москвичи семьям украинских политзэков... Знаю, какое братство царило в политлагерях (достаточно посмотреть книгу писем из заключения Юлия Даниэля). О наличии этих «свободных русских», уже выброшенных в эмиграцию, свидетельствует напечатанное в киевском томе «Заявление по украинскому вопросу» (по-русски — см. «Континент» №12, 1977). Заявление — говорю об этом, так как вся история разворачивалась на моих глазах, — было составлено по инициативе Ежи Гедройца с решающим участием с нашей стороны Владимира Максимова, главного редактора «Континента», и Владимира Буковского, совсем недавно высланного прямо из Владимирской тюрьмы на Запад и сидевшего в лагере и тюрьме с украинцами. Сейчас уже не вычислить, кому принадлежали те или иные формулировки, но хорошо помню, что именно по предложению Максимова заявление не осталось только «польско-русским» — его подписали главные редакторы венгерского журнала «Иродалми уйшаг» Тибор Мераи и чешского «Сведецтви» Павел Тигрид. Журналов, разумеется, эмигрантских, но так или иначе представляющих страны с немалым украинским меньшинством. Из русских его подписали Андрей Амальрик, Владимир Буковский, Владимир Максимов, недавний киевлянин Виктор Некрасов и, разумеется, автор этих строк.

(Замечу, что антиимперская линия в «Континенте» продолжалась: в №18 было напечатано подписанное большим числом политэмигрантов из СССР заявление «о судьбе народов

советской империи», где проводилась вынесенная Буковским из лагерно-тюремных споров идея получения независимости путем референдума. Помню, как раз в «Культуре» нам говорили, что это слабовато. Но Буковский упорствовал: «Только референдум» — такова была общая позиция, выработанная в спорах политзэков из разных советских республик. Помню, и у меня самой сердце дрогало: а ну как сильно советизированные и русифицированные украинцы — в прибалтах мы не сомневались — проголосуют против независимости?! И что ж мы видим: на референдуме 1991 года идея суверенной Украины победила, а от суверенитета до независимости оставался один шаг.)

Но вернемся к «Культуре» и ее главному редактору. Позиция Гедройца не ограничивалась заявлениями, какими бы прекрасными они ни были, не ограничивалась даже тем, что хорошо видно на поверхности: публикациями статей польских авторов (на украинские темы) и украинских авторов, дискуссией о польско-украинских отношениях. Статьи-то приходили не самотеком (разве что недовольные отклики польских читателей, иногда даже с отказом от подписки). Украинских корреспондентов, как показывает украинский том переписки Гедройца, надо было искать, подталкивать, побуждать, о многом с ними приходилось спорить. Перечислю имена шести корреспондентов Гедройца, переписка с которыми вошла в варшавское издание:

— Богдан Осадчук (1920 г.р.), журналист, установил связи с «Культурой» на том же берлинском Конгрессе за свободу культуры, вскоре стал основным посредником между Гедройцем и украинской эмиграцией (до этого роль посредника выполнял замечательный публицист Ежи Стемповский) и оставался корреспондентом польского журнала до самого конца, до смерти Гедройца и прекращения выхода «Культуры»; кроме того, широко печатаясь в немецкой и швейцарской прессе, он публиковал там обзоры издаваемых «Культурой» книг, а иногда и статей из журнала;

— Борис Левицкий, блестящий советолог, регулярно публиковавшийся в «Культуре»;

— Иван Лысяк-Рудницкий, историк, сын депутата межвоенного польского Сейма Павло Лысяка и Милены Рудницкой, председателя Союза украинок (в Польше) и тоже депутата Сейма, не столько автор журнала (он напечатал там всего одну статью), сколько автор плодотворных идей, например, издания в «Институте литеацком» (книжном издательстве «Культуры») сборника «Украина. 1956-1968»;

— Юрий Шерех-Шевелев (1908–2000), языковед и литературный критик, один из первых украинских авторов «Культуры», найденный Гедройцем через Стемповского;

— Юрий Лавриненко (1905–1987), литературный критик, рекомендованный Гедройцу Шевелевым для составления антологии украинской литературы 1920 х (о чем я ниже расскажу несколько подробнее);

— Иван Кошелівец (1907–1999), публицист, переводчик, литературный критик, редактор журнала «Сучасність», составитель вышеназванного сборника «Украина. 1956–1968», вышедшего в «Библиотеке «Культуры»»;

— Иван Кедрин-Рудницкий (1896–1995), брат Милены Рудницкой, один из ведущих украинских деятелей в межвоенной Польше, знакомый с Гедройцем еще с тех пор. (Помню, когда я в первый раз приехала в Мезон-Лаффит, Гедройц, настоятельно рекомендуя, дал мне почитать книгу воспоминаний Кедрина.)

На страницах вступительной статьи и в примечаниях, кроме этих шести имен, встречается еще немало украинских корреспондентов Гедройца и авторов «Культуры». Кстати, в киевском томе рядом со статьями польских авторов (среди которых обширнее всего представлены, конечно, Юлиуш Мерошевский и неутомимый пропагандист и переводчик украинской литературы поэт Юзеф Лободовский) мы найдем статьи вышеназванных Бориса Левицкого, Юрия Лавриненко и Ивана Лысяка-Рудницкого, в том числе знаменитую статью Лавриненко «Литература пограничных ситуаций», которую Гедройц в письме к автору назвал «как бы продолжением «Порабощенного ума» [Чеслава Милоша]».

По письмам Гедройца и ответам его корреспондентов можно проследить нелегкую работу с авторами (особенно нелегкую в эмиграции, а тем более когда речь идет о сотрудничестве между представителями разных эмиграций, да еще живущими в разных странах, иногда и на разных континентах). Гедройц указывает сроки, поторапливает, сокращает слишком разбухшие материалы — как всякий редактор; авторы — как всякие авторы — не поспевают в срок, пишут слишком много или вообще не пишут то, что обещали. Тем не менее с обеих сторон — даже при мелких и крупных спорах, иногда перерастающих в конфликты, — наличествует максимум доброй воли. Но это все обыкновенная сторона журнальной работы. Любопытна та сторона, которой не знает периодика, выходящая в «нормальных» условиях (даже подцензурных),

т.е. с организационно обеспеченной сетью распространения. В письмах то и дело встречаются просьбы прислать столько-то экземпляров «Культуры», изданных «Культурой книг; украинские корреспонденты сообщают Гедройцу об откликах читателей на Украине — счастливиц, тайными путями получивших «Культуру» или изданные ею книги.

Особенно интересна история издания книги, задуманной и составленной Юрием Лавриненко. Ставшие заглавием книги слова «расстрелянное возрождение» (речь идет об украинской литературе и культуре 1917–1932 гг.) давно стали настолько привычными, как будто этот термин возник задолго до выхода книги (1959). На самом деле, как мы узнаём из писем, название антологии предложил Гедройц в ходе работы над ней — Лавриненко называл ее просто «Антология».

В письме к Лавриненко от 19 ноября 1957 г., в самом начале работы, Ежи Гедройц так излагал идею выпуска книги, применяя польский опыт к Украине:

«Октябрьские события прошлого года в Польше ввели несомненно большее поле свободы слова и пробудили национально-ревизионистские движения. Весь «польский Октябрь» был в огромной степени подготовлен польской литературой. Опять оказалось, что в условиях тоталитаризма и национальных гонений печатное слово обрело, как в XIX веке, свои магические свойства. Либерализация положения в Польше вызвала еще одно явление, а именно выход на свет украинской национальности, которая уже выпускает свой журнал, начинает создавать свои культурные организации и т.п. В то же время контакты между Польшей и Украиной в настоящий момент весьма оживлены, как вследствие репатриации, так и поездок к родственникам и т.п. Выпуская эту антологию, я ставлю цель, чтобы она попала на Украину и была вступлением к переменам, аналогичным тем, что произошли в Польше».

Нет сомнения, что следующее украинское возрождение — 60-е годов, начинавшееся тоже с литературы и разросшееся в движение, где соединялись защита прав человека и требования независимости, — опиралось на память об украинской культуре, представленной в антологии «Расстрелянное возрождение». Достоверно известно, что антология попала в круги украинских «шестидесятников». В ответ Ежи Гедройцу были присланы с Украины стихи молодых поэтов, записанные на магнитофонную ленту (Богумила Бердыховская пишет, что мысль отправлять таким образом стихи за границу принадлежала Ивану Светличному; напомним только, что портативных магнитофонов в СССР тогда еще не было).

Объемистая антология была выпущена «Культурой» по-украински. Труд немалый, продолжавшийся почти два года, во время которого Гедройц как бы отложил в сторону свои редакторские привычки: Лавриненко в процессе работы расширял объем антологии, а редактор его поощрял (так, в одном из писем, получив первый план антологии, Гедройц пишет: «Не слишком ли скуден поэтический раздел?»); сроки завершения работы все время отодвигались, но редактор не ворчал на составителя, а наоборот, успокаивал его (разве что уже под конец торопил, когда типография наседала). Надо представить себе практические условия: обсуждение содержания антологии в целом ряде писем (к первоначальным поэзии и прозе Лавриненко, по предложению Гедройца, прибавил еще публицистику), сбор материала по старым изданиям в разных библиотеках, перепечатка, отправка из Нью-Йорка в Париж (машинопись основной части антологии повез через океан украинский художник, друг Лавриненко), досылка по мере готовности дополнительных частей текста (вступительной статьи, биографических справок и т.п.), набор, который делался в Мюнхене, пересылка в Нью-Йорк на корректуру, внесение правки, окончательная компоновка и наконец — выход книги. В какой-то момент вместо запланированных 400 машинописных страниц антология разрослась до 750 ти — Лавриненко спрашивает, надо ли что-то сократить, и предупреждает, что самое большее удастся сократить 50 страниц и что он уже думает, как произвести сокращения. Более того, сдавая корректуру, он указал, какие материалы из уже набранных убрать. И тут Гедройц возразил: «Если единственный мотив — сэкономить место, то я все-таки предложил бы оставить». В конечном итоге антология насчитывала почти тысячу (не машинописных, а книжных!) страниц. Для лучшей отправки «Расстрелянного возрождения» на восток украинское издательство «Пролог» выпустило потом карманное издание.

В письме Ежи Стемповскому, которое Богумила Бердыховская цитирует во вступительной статье к киевскому тому, Гедройц писал: «Посылаю проспект украинской антологии, которой даже слегка горжусь, тем более что сделал ее наперекор всем». Из фрагмента другого письма мы узнаем, что даже некоторые близкие сотрудники «Культуры» возражали против издания, чтобы «не дразнить Советы». Вот уж этого Гедройц не боялся, хоть вроде бы прагматик из прагматиков — но прагматик с дальним прицелом и бесстрашно прокладываемой дорогой в будущее.

О двух рецензируемых томах еще многое можно было бы рассказать, но остановимся — и в заключение дадим слово Григорию Грабовичу, автору послесловия к «Пространству свободы»:

«...парижская «Культура», как видно из этого избранного, была также и нашей, украинской — не только потому, что так добросовестно и с далекой перспективой занималась украинской темой в целом и польско-украинской в частности, и не только потому, что так последовательно и разумно представляла украинский вопрос в самом широком диапазоне: от издания антологии «Расстрелянное возрождение» до продвижения глобального тезиса о необходимости независимой Украины в системе обновленной Европы, — но и потому, что она так органически вписывалась в собственные потребности украинского духовного возрождения после ужасов первой половины XX века — не как прометейский лидер и наставник, а как умный друг, как побратим. Тогда, в эмиграции (знаю это по своему опыту), «Культура» была общим глашатаем; без нее украинская интеллектуальная жизнь выглядела бы неполно. А в целом, на протяжении чуть ли не всего этого века — что начинался польско-украинской войной за Львов и заканчивался польской поддержкой украинской независимости и «оранжевой революции», — ни одна польская организация не сделала для установления добрых связей и искренних добрососедских отношений больше, чем «Культура»».

Ежи Гедройц — украинская эмиграция. Письма. 1950–1982. Сост., авт. вступит. статьи и примечаний Богумила Бердыховская. Письма укр. авторов перевела Оля Гнатюк. Варшава, «Читальник», 2004. (Архив «Культуры». 8). 831 с. — На польск. яз.

Пространство свободы. Украина на страницах парижской «Культуры». Сост. и авт. вступит. статьи [и примечаний] Богумила Бердыховская. [Послесловие Григория Грабовича]. Киев, «Критика», 2005. (Ин т Адама Мицкевича — Центр междунар. культурного сотрудничества. Укр. науч. ин т Гарвардского ун та. Ин т критики. Культурная программа Года Польши на Украине). 527 с. — На укр. яз.

ЕЖИ ГЕДРОЙЦ И ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРА» В ПЕТЕРБУРГЕ

В июне главными событиями Польского сезона в Петербурге стали две выставки в Российской национальной библиотеке.

В новом ее здании около сорока издательств Польши представили свои научные издания — почти две с половиной тысячи новых томов по разным областям знаний. Что самое важное в этой акции, все представленные книги были переданы в дар старейшей общедоступной научной библиотеке России. Одновременно с этим в старом здании Публички в центре города экспонировалась выставка «Ежи Гедройц и эпоха «Культуры»», организованная Обществом охраны архива «Литературного института» в Париже и Институтом Адама Мицкевича при поддержке польского генерального консульства в Петербурге и под покровительством посла Польши в Москве.

Выставка была приурочена к пятилетию со дня смерти Ежи Гедройца и выхода последнего номера журнала «Культура». Подобные выставки уже прошли на Украине, в Литве, Белоруссии и во Франции. В петербургской экспозиции была представлена биография Ежи Гедройца (планшеты с фотографиями, текстами его статей и воспоминаниями о нем на польском и русском языках), деятельность «Литературного института» и журнала «Культура». Около трехсот изданий «Литературного института» с момента его основания в 1946 году в Риме и до наших дней Общество охраны архива «Литературного института» в Париже также решило подарить Российской национальной библиотеке. Это существенно восполнит фонд польских эмигрантских изданий РНБ, до сих пор малодоступных в России. До 1991 г. эти книги хотя и поступали в библиотеку, но сразу помещались в спецхран, куда оформляли особый допуск лишь ограниченному кругу специалистов.

«Эта выставка — большое событие не только для Российской национальной библиотеки, но и для культурной жизни нашего города. Еще 20 лет назад было трудно представить, что такое возможно. «Литературный институт» в Париже был известным диссидентским и культурным центром, который во многом определял настроение не только поляков, но и России. Крайне важно, что теперь мы получаем материалы

«Литературного института». Когда-то такие издания хранились у нас только в спецхране. Но те времена миновали. Теперь фонд Россика имеет около 13 тысяч изданий, переведенных из спецхрана в начале 1990-х годов. Доступными для всех читателей стали произведения Ежи Гедройца, Густава Герлинга-Грудзинского, Юзефа Чапского и других авторов, а также отдельные номера журнала «Культура» с 1969 по 1992 год», — сказал на открытии выставки директор библиотеки Владимир Зайцев.

Как написала петербургская журналистка Светлана Гаврилина: «Для многих [выставка] станет напоминанием и новым осмыслением, а для кого-то — впервые — познанием целой эпохи. Жизни на большом послевоенном коммунистическом пространстве, где в течение десятилетий совершалась упорная борьба с его моральным гнетом. Борьба с помощью наиболее мощного оружия — культуры, духа, печатного слова» («Невское время», 2005, 11 июня).

Петербургский консул по культуре и науке Хиероним Граля, открывая выставку, сказал: «Пространство этой библиотеки связано с традицией польского языка, польской литературы, польской книги. В этих стенах, которые помнят барона Корфа, витают призраки многих библиографов польского происхождения, например, возможно, одного из самых ленивых сотрудников этого учреждения, великого польского поэта Станислава Трембецкого, которого считали тут самым именитым хранителем Императорской публичной библиотеки после писателя Ивана Крылова. От Крылова он отличался тем, что принимал читателей, лежа на диване. Но есть и другой контекст. Я думаю, что демонстрация выставки именно в этих стенах — дань воздаяния от судьбы за тот труд, который Гедройц вложил в дело сближения России и Польши, русской и польской культуры. Здесь стоит вспомнить, что именно в этом кругу каждые десять лет выходил специальный номер, посвященный русско-польским отношениям, именно в этом кругу вырабатывалась система взаимоотношений демократической России и демократической Польши, программа на будущее. Вчера господин директор Зайцев в разговоре со мной назвал Ежи Гедройца «редактором польской эмиграции». Замечательная формулировка! Господин Зайцев не мог знать при этом, что Гедройца называли «редактором польской души», «редактором польской политической мысли», «редактором Польши». Я польщен тем, что эта выставка в последний момент была включена министром культуры Польши в программу Польского сезона».

В конце церемонии открытия, после выступления Леопольда Унгера (см. текст в этом номере), хранитель наследия Ежи Гедройца и «Литературного института» в Париже Марек Кравчик сказал по-русски: «Редактор Унгер говорил, что Ежи Гедройц, возможно, приехал бы в Петербург. Думаю, Ежи Гедройц здесь сегодня с нами. Он смотрит на нас. И ему очень приятно, что в этом красивом зале он может видеть свое детище — журнал «Культура», эти книги и всех здесь присутствующих. И, я знаю, он мечтал, чтобы эта выставка была показана в России».

Текст Светланы Гаврилиной об этом важном событии в жизни Петербурга заканчивается так:

«— А нет ли тревоги — в мире все так зыбко... Что лет через 15 невозможно будет поверить, что такая выставка могла состояться? — этот вопрос я задаю архиепископу Тадеушу Кондрусевичу.

— Знаете, как говорил Иоанн Павел II? У культуры один корень со словом «культ» — вера, Бог... Только нужно работать, нужно трудиться, нужно не опускать рук».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Рейтинг кандидатов перед президентскими выборами по данным опроса института изучения рынка и потребления «Полония»: Дональд Туск — 24%, Лех Качинский — 22, Влодзимеж Цимошевич — 21, Анджей Леппер — 15, Збигнев Релига — 9, Марек Боровский и Мацей Гертых — по 3%. Рейтинг остальных кандидатов находится в пределах статистической ошибки (2,9%). («Жечпосполита», 9 авг.)

• «Гданьск. Суббота. Без двадцати восемь вечера. Дом Леха Валенсы на ул. Полянки, 3. Бывший президент после исторического тоста чокается рюмкой водки со своим недавним врагом президентом Александром Квасневским. Это кульминационный момент празднования именин в доме Леха Валенсы и его жены Дануты». («Ньюсуик-Польша», 26 июня)

• Польский павильон на Всемирной выставке в Нагое (Япония) бьет рекорды популярности. В «польский день» здесь побывало 19 тыс. человек — рекордное число. До сих пор польский павильон посетили свыше 600 тыс. человек. В Японии на 20% повысилась заинтересованность авиабилетами в нашу страну. («Газета выборча», 30 июня)

• По данным доклада Европейской организации сотрудничества и развития за 2004 г., в прошлом году трудящийся поляк проработал в среднем 1956 часов, чех — 1972, словак — 1014, японец — 1801, американец — 1792, англичанин — 1673, немец — 1446, француз — 1431. («Политика», 23 июля)

• «Поляки сберегают все больше денег. До конца прошлого года нам удалось сберечь 305 млрд. злотых. По сравнению с 2003 г. наши сбережения к концу прошлого года выросли на 17 млрд. зл., т.е. почти на 6%. Значительно быстрее росли сбережения, вложенные в пенсионные фонды, — они выросли на 18 млрд. злотых. В целом финансовые запасы населения росли намного быстрее, чем в самом худшем для сбережений 2003 году». («Жечпосполита», 27 июня)

• «Ток из дровяной печи на электростанции — это звучит как абсурд. Но это правда. Вот уже несколько месяцев печи большой электростанции «Поланец» топят не только углем, но и

дровами. Предприятия энергетики стали заметным клиентом Государственного лесоправления, покупая немалые количества леса. (...) В других странах ЕС (...) биомассой на практике считают, например, солому или энергетический ивняк, а в Польше это определение отнесли и к высококачественному лесу». (Павел Роховер, «Жечпосполита», 4 июля)

- «В Польше увеличивается площадь лесов. В настоящее время они занимают 28,7% площади страны, т.е. почти 9 млн. гектаров. В Европе больше лесов только в Швеции, Финляндии, Франции, Германии и на Украине (...) Лесничие заверяют, что на протяжении ближайших 15 лет (...) площадь лесов увеличится в Польше до 30%». («Политика», 6 авг.)

- По мнению министра охраны окружающей среды, «несчастье Подлесья состоит в том, что около 30% площади этого воеводства охвачено европейской сетью охраны природы «Натура-2000». Это сильно усложняет капиталовложения в развитие дорог». («Газета wyborча», 29 июня)

- «Валюту этого банка не найдешь в валютных курсах, издаваемых Польским национальным банком. Тем не менее желающих брать здесь кредит достаточно. Акционеры банка торгуют своим временем. Идея «банка времени» проста. Каждый из его членов предлагает другим свои услуги. Один дает юридические советы, другой преподаёт иностранные языки. Есть люди, готовые ходить за покупками или перешивать одежду. Рассчитываются они в часах. Пожертвованное время можно получить обратно, делая заказ на услуги, предлагаемые другими членами «банка времени»». (Марек Щепанский, «Жечпосполита», 28 июня)

- «Из данных Главного статистического управления вытекает, что в конце первого полугодия в секторе частных предприятий работало 4,756 млн. человек. Это на 80 тысяч больше, чем годом раньше». («Жечпосполита», 29 июля)

- «Почти каждый четвертый иностранец, задержанный за нелегальную работу в Мазовецком воеводстве, — француз. Чаще французов нелегально работали только украинцы. (...) Трудности французов у нас кончатся, когда Париж откажется от ограничений по отношению к полякам, которые хотят работать во Франции». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 5 июля)

- ««Польского водопроводчика» выдумал во Франции противник европейской конституции, правый

националистический политик Филипп де Вильер. Этот образ был использован в ксенофобской кампании перед референдумом 29 мая, чтобы запугать французов наплывом более дешевой рабочей силы из Польши. Польская туристическая организация (ПТО) перековала этот негативный и недоброжелательный к нам стереотип в остроумную кампанию пропаганды нашей страны. И получилось. На пресс-конференции французские и американские журналисты расхватывали плакаты с фотографией работы Павла Райкова-Кшивицкого, где побывать в Польше приглашает Петр Адамский, одетый водопроводчиком с гаечным ключом в руках». (Роберт Солтык, «Газета wyborcza», 29 июня)

- «В Лондоне прошел парад в честь окончания II Мировой войны. Первый раз в истории в параде приняли участие 320 польских ветеранов (...) «Шестьдесят лет спустя наконец-то признали, что мы воевали с Третьим Рейхом и выставили четвертую по величине армию (...)», — сказал Мариан Фаляна, сражавшийся в рядах армии генерала Владислава Андерса». («Жечпосполита», 11 июля)

- Жертвами лондонских терактов пали три польки — 43-летняя Анна Брандт, 29-летняя Каролина Глюк и 23-летняя Моника Сухоцкая. («Газета wyborcza», 21 июля)

- «В Ирак выехало 1500 польских военнослужащих — пятая, последняя смена нашего контингента в этой стране». («Тыгодник повшехный», 17 июля)

- «Матери и вдовы жертв Сребреницы присудили премию «Сребреница-1995» Тадеушу Мазовецкому, который десять лет назад, после массового убийства местных мусульман сербами на глазах сил ООН, демонстративно ушел с поста специального уполномоченного Комиссии по правам человека ООН в Боснии». («Газета wyborcza», 11 июля)

- «Бронислав Мархлевич, во время [II Мировой] войны начальник полицейского участка в Отвоцке — польской полиции, подчиненной немецким оккупантам, — получил посмертно звание «Праведника среди народов», присуждаемое в Израиле за заслуги в спасении евреев во время оккупации (...) Среди шести тысяч польских «праведников» (одна треть общего их числа) Мархлевич — третий полицейский (...) Случай Бронислава Мархлевича и еще двух, причисленных к «праведникам» институтом «Яд-Вашем»: Вацлава Новинского из Варшавы и Владислава Тесли из Тарнобжегского воеводства, — подрывает стереотип «темно-синей» полиции, в которой

кроме коллаборационистов, оказывается было немало таких, как они, героев». («Жечпосполита», 25 июля)

• Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: «Ни один из предыдущих лидеров демократической Польши не проявлял такого дружелюбия к Израилю и еврейскому народу, как Александр Квасневский. Его можно сравнить с Владиславом Бартошевским — «Праведником среди народов», почетным гражданином Государства Израиль (...) Оба способствовали тому, что Польша стряхнула с себя антисемитизм, антисионизм и антиизраильскую политику, которые господствовали при коммунизме. (...) Начало перемен в польско-еврейских отношениях положил еще президент Лех Валенса. (...) Переменам, разумеется, содействовал и Папа Иоанн Павел II, положивший начало улучшению отношений между евреями и католической Церковью. (...) Положительные перемены совершаются к тому же не только на уровне государственных властей, но и в городах и городках. Это проявляется хотя бы в том, что во многих местах восстанавливаются киркуты [еврейские кладбища] и синагоги, развивается экономическое и культурное сотрудничество с евреями и Израилем». («Впрост», 10 июля)

• «Полное название ИНП звучит так: Институт национальной памяти — Комиссия по расследованию преступлений против польского народа. (...) ИНП начал свою деятельность 1 июля 2000 года. (...) Пока что две трети около 1800 следственных дел, открытых ИНП, касаются преступлений коммунизма, главным образом сталинского периода. (...) Следственная деятельность ИНП должна служить не только обнаружению преступников, но и установлению возможно более полного списка потерпевших». (Кшиштоф Бурнетко, «Политика», 25 июня)

• Профессор Веслав Хшановский: «В 1946 г. меня впервые посадили в казематы министерства государственной безопасности — несколькими этажами выше кабинета, который я спустя почти полвека получил, став министром юстиции». («Газета wyborча», 9–10 июля)

• «21 июля в Варшаве на 98 м году жизни умер выдающийся публицист и католический деятель Станислав Стомма (...) Стомма занимает свое место в истории борьбы за расширение пространства свободы в [коммунистической] Польше. Фотография, показывающая его одинокий протест в зале Сейма в 1975 г. во время голосования о включении в конституцию ПНР дружбы с Советским Союзом [Стомма единственный воздержался при голосовании, против не посмел голосовать

никто], останется одним из символов тех времен». (Януш Рейтер, «Жечпосполита», 22 июля)

- «Станислав Стомма совершил нечто необыкновенное: в рамках коммунистического тоталитаризма, системы, по самой сути не принимающей оппозицию, он в 1957 г. на волне послеоктябрьской «оттепели» создал легальную [т.е. разрешенную властями] парламентскую оппозицию — депутатскую группу «Знак»». (Анджей Романовский, «Газета wyborча», 22 июля)

- «Лех Валенса лично открыл акцию по подготовке к празднованию 25 летия «Солидарности»». («Политика», 2 июля)

- «Сергей Ковалев, Наталья Горбаневская и Владимир Буковский из России [в буквальном смысле «из России» — только Ковалев], Иван Гречко с Украины, диссиденты из стран бывшего советского блока: Чехословакии, Венгрии, Болгарии и бывших республик Советского Союза приехали на II Варшавскую восточноевропейскую конференцию. В ней принимает участие почти 300 человек. (...) Ян Малицкий, директор организовавшего конференцию Центра изучения Восточной Европы Варшавского университета, сказал: ««Цветные революции в странах бывшего СССР — это новая эра «Солидарности». Польша в 1980 и 1989 гг. стронула камень, вызвавший лавину. Теперь независимость обретают страны, которые раньше не успели или которым не позволили». («Газета wyborча», 21 июля)

- «Важным жестом признания значения польского Августа 80 го международной общественностью стал тот факт, что в 2004 г. ЮНЕСКО включило в список «Память мира» написанный вручную на двух листах фанеры текст 21 требования, составленный Межзаводским забастовочным комитетом, заседавшим на Гданьской судоверфи в августе 1980 года. Условием включения этих требований в список было их документально подтвержденное влияние на мировую историю (...) Английский историк Тимоти Гартон Эш заметил, что «ни одно другое движение в мире не поддерживали одновременно президент Рейган, еврокоммунисты Карильо и Берлингуэр и Папа Иоанн Павел II, Маргарет Тэтчер и [тогдашний лидер лейбористов] Тони Бенн, активисты пацифистского движения и глашатаи НАТО, христиане и коммунисты, консерваторы, либералы и социалисты»». (Павел Адамович, «Впрост», 10 июля)

- «Шахтеры приехали в Варшаву 50 автобусами (...) На головах у них были каски (...) глаза замаскированы очками, остальная часть морды прикрыта платком с надписью «Солидарность», а

палки и камни у всех одинаковые. Несколько сот пьяных выдвигают требования! Самое печальное во всем этом — тот факт, что эти требования в сверхсрочном порядке выполняет все польское общество! Да, общество, ибо что ж такое Сейм, как не представительство этого общества! И, выходит, польское общество в июле 2005 г. признало, что с этих пор слово «Солидарность» изменило смысл и теперь значит: выбей себе по-хулигански, грубой силой любые права, какие тебе в голову придут, а о других людях не беспокойся. Пусть эти другие беспокоятся, что не умеют швырять в полицию тяжелыми камнями. Вот такие дела на 25 летие «Солидарности» — прямо не хочется верить, что мы до такого дожили...» (Станислав Тым, «Жечпосполита», 30–31 июля)

- «Вчера перед зданием Сейма было ранено 37 полицейских, один пожарный и семь шахтеров. (...) Город произвел предварительную оценку материальных потерь — 20 тыс. злотых. (...) На обратном пути к автобусам шахтеры поломали полтора десятка автомобилей». («Газета wyborча», 27 июля)
- «Под натиском демонстрировавших у здания Сейма шахтеров (...) депутаты приняли закон, сохраняющий 25 лет работы под землей как достаточное условие для выхода на пенсию. Если закон вступит в силу, то до 2020 г. он может обойтись госбюджету в 70 с лишним миллиардов злотых». («Тыгодник повшехный», 7 августа)
- «В среду председатель Конституционного суда объяснял депутатам, что они принимают плохие законы, и чем дальше, тем хуже. В среду Сейм принял новые законоположения, которые нарушают конституцию, правопорядок, угрожают государственным финансам и стабильности пенсионной системы, — законоположения, касающиеся (...) особых привилегий для шахтеров. Вчера решение Сейма поддержал Сенат». (Малгожата Солецкая, «Жечпосполита», 29 июля)
- Больше чем в половине (в 44 х из 79 ти) постановлений Конституционного суда за прошлый год судьи объявили неконституционными законоположения, предложенные им на оценку. («Жечпосполита», 28 июля)
- «На протяжении шести часов следственная комиссия Сейма по делу «Орлена» [государственного нефтекомбината] допрашивала Иоланту Квасневскую (...) Это первый подобный допрос за всю историю Третьей Речи Посполитой. (...) «Я здесь без всякой причины, а единственная причина того, что комиссия меня вызвала, — политический мотив», — говорила

решительным голосам жена президента». («Газета wyborча», 27 июня)

- Маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич отказался давать показания следственной комиссии Сейма по делу «Орлена». Он обвинил депутатов в пристрастности и внес предложение исключить из ведения допроса целых семь членов комиссии. («Жечпосполита», 11 июля)

- «Влодзимеж Цимошевич явился на заседание следственной комиссии Сейма по делу «Орлена»». («Тыгодник повшехный», 7 авг.)

- «Контроля над [следственными] комиссиями не имеет ни Сейм — кроме назначения и отзыва, ни суд — кроме рассмотрения ходатайств о наказании свидетелей. (...) Президиум Сейма получает многочисленные жалобы на деятельность следственных комиссий и ничего не может поделать, так как не имеет нужных полномочий. Следственные комиссии действуют на основании тех же законоположений, что суд по уголовным делам, но состоят не из независимых судей, а из политиков, зависящих от своих партий и их интересов. Перед ними предстают не подсудимые, а исключительно свидетели (хотя с некоторыми свидетелями комиссии обращаются как с подсудимыми). На решения суда, принятые в результате судебного расследования, можно подать апелляцию. На решение комиссии — нельзя (...) Самое большее — можно не явиться по ее вызову (за это грозит отдача под суд) и не выдать требуемый ею документ». (Эва Седлецкая, «Газета wyborча», 18 июля)

- Рейтинг перед парламентскими выборами по данным ЦИОМа: «Право и справедливость» — 26%, «Гражданская платформа» — 21, СДЛС — 8, коалиция «Польской социал-демократии», «Унии труда» и зеленых — 5%. («Газета wyborча», 9 авг.)

- «25% мест представителям других партий забронировала в своих списках кандидатов «Самооборона». Другие группировки не так широко открывают вход пришельцам извне, однако места для того, чтобы «подвезти» нескольких, всегда найдутся. (...) Настоящим рекордсменом стал Яцек Курский из Гданьска, побывавший в списках «Соглашения Центр», Движения за возрождение Польши, Национал-христианского объединения, «Лиги польских семей» и даже «Права и справедливости», куда он и вернулся». (Элиза Ольчик и Петр Смилович, «Жечпосполита», 29 июля)

- «Сейм постановил, что депутата Рышарда Бонду можно арестовать за препятствия, чинимые судебному процессу. (...) Депутат Бонда (независимый, в прошлом «Самооборона») обвинен в присвоении 27 тыс. тонн зерна стоимостью 11 млн. злотых». (*«Жечпосполита»*, 30–31 июля)

- «Вчера закончилось последнее запланированное заседание Сейма. За четыре года в Сейм было внесено 69 предложений о лишении депутатов парламентского иммунитета. Это самый худший результат за все годы начиная с 1989 го. (...) В Сеймы предыдущих созывов было внесено десятка по полтора таких предложений». (*Рената Грохаль, «Газета wyborча»*, 30–31 июля)

- Стефан Несёловский, в 70 е годы политзаключенный, затем активист «Солидарности», в Третьей Речи Посполитой депутат Сейма: «Я сидел в тюрьме, чтобы жить в свободной Польше (...) Сегодня эта Польша — не гнет (...) а мое отечество, возникновением и развитием которой я горжусь. Это страна, где власть дают свободные выборы, а не интриганские схватки в окружении диктатора. Никогда я не предполагал, что в результате демократических выборов в польском парламенте окажется столько невежд, невеж и жуликов. (...) Группировки, которые в странах со стабильной демократией были бы политическим анекдотом на грани сумасшествия, в Польше набрали силу, а их вождям кажется, что наступит день, когда они дорвутся до власти. Нет, этот день никогда не наступит». (*«Газета wyborча»*, 14 июля)

- Анатолий Лавина, активист «Солидарности», подпольщик и политзаключенный в 80 е годы: «Если верить СМИ, то из Польши надо бежать как можно дальше. (...) Но если выключить телевизор, выбросить газеты и поехать куда угодно по стране, то обнаружится совершенно другая, вполне положительная картина. Люди расторопны, открыты, доброжелательны — катастрофы и несчастья видишь как-то не часто. Мир, представленный в СМИ, — это головоломка, сложенная из «нюсов». А «нюс» — это всегда информация, резко отходящая от нормального». (*«Жечпосполита»*, 3 авг.)

- Стефан Братковский, почетный председатель Союза польских журналистов: «За эти [последние] 15 лет соседние государства пытались как-то повлиять на польскую государственную и общественную жизнь. СССР с 1989 г. утратил влияние даже на бывшие правящие круги. (...) Россия, не та демократическая Россия, готовая сотрудничать с бывшими колониями и полуколониями СССР, а Россия имперская, была вынуждена почти заново строить сети влияний в Польше (...) Мы не знаем тайны рождения радиостанции «Мария». Епископату не

удалось провести контроль его финансирования. (...)
«Националист» Мацей Гертых в польско-ярузельской войне поддержал режим; теперь он стал кандидатом на пост президента от фашиствующей «Лиги польских семей». Прибавим к этому деньги для группировки Леппера (...) Все эти круги разоблачил простой тест: бесспорно в интересах Польши было ее вступление в НАТО, а потом — в Евросоюз. Все эти круги выступили в согласии с интересами России, против нашего вступления в НАТО и ЕС — по классическому образцу «агентов влияния». Флирт с лукашенковской Белоруссией (...) все это только подтверждает». («Жечпосполита», 23-24 июля)

• «Когда [белорусское] министерство юстиции бесцеремонно поставило вне закона избранное на мартовском съезде правление Союза поляков Белоруссии и потребовало, чтобы на пост председателя вернулся выкормыш Лукашенко Тадеуш Кручковский, никто не ожидал, что Кручковский не только не вернется в председательское кресло, но и будет исключен из СПБ за деятельность в ущерб ему. Когда несколько дней назад он пытался войти в помещение союза, где все время дежурят полные решимости члены СПБ, его не впустили на порог. (...) Председателя СПБ Анжелику Борис регулярно вызывают в милицию. (...) 20 июня в Ракове под Минском была убита Юзефа Варакса, председатель местного отделения союза. (...) «Союз поляков проявляет больше отваги в борьбе за свои права, чем вся наша оппозиция в последние годы», — сказал Валерий Фролов, один из лидеров белорусской оппозиции». (Михал Кацевич из Гродно, «Ньюсуик-Польша», 3 июля)

• «Белорусский МИД информировал польское посольство в Минске, что заведующий консульским отделом Анджей Бучак должен покинуть страну до 21 июля (...) Это второй польский дипломат, высланный в этом году из Белоруссии». («Газета wyborча», 15-16 июля)

• «Из Польши выслан советник белорусского посольства. Это ответ на высылку польского консула из Минска». («Жечпосполита», 26 июля)

• «В Щучине милиционеры и сотрудники КГБ задержали трех активистов Союза поляков Белоруссии. (...) Белорусский МИД предписал третьему польскому дипломату, Анджею Оборскому, покинуть Минск в течение десяти дней. Это ответ на решение польского МИД о высылке Миколы Петровича, советника белорусского посольства в Варшаве». («Жечпосполита», 27 июля)

• «Режим Лукашенко предпринял вчера нападение на Союз поляков Белоруссии. Вечером милиция вторглась в помещение

СПБ в Гродно. Задержано полтора десятка активистов и несколько журналистов». («Жечпосполита», 28 июля)

• МИД Польши отозвал в Варшаву польского посла в Белоруссии Тадеуша Павляка для бессрочных консультаций. Кроме того, МИД расширит список лиц, которым запрещен въезд в Польшу, за счет тех членов администрации Александра Лукашенко, которые «особо проявили себя в подавлении прав человека», и сотрудничающих с режимом белорусских поляков. Чтобы санкции не ударили по рядовым гражданам, министр Адам Ротфельд уполномочил консулов использовать льготы при выдаче виз гражданам Белоруссии и даже отменить плату за визы. Белорусский режим пытается сломить председателя СПБ Анжелику Борис, силой выдворенную из помещения союза. «Они дают мне понять, — говорит Анжелика Борис, — что меня в любой момент могут арестовать и немедленно отдать под суд, как это было с Юзефом Пожецким, Анджеем Почобутом и Мечиславом Яськевичем». («Газета wyborча», 29 июля)

• «Белорусская милиция арестовала сотрудника нашей газеты, главного редактора «Глоса знад Немна» («Голоса с берегов Немана») Анджея Писальника. (...) Арест был произведен в тот день, когда в Гродно приехал Дональд Туск, вице-маршал Сейма, лидер «Гражданской платформы». (...) Писальник — не только журналист, но и пресс-секретарь Союза поляков Белоруссии». («Жечпосполита», 2 авг.)

• Посол Белоруссии в Варшаве Павел Латушка: «Министр иностранных дел поручил мне в этой трудной ситуации предпринимать действия, направленные на преодоление кризиса и установление диалога с польскими властями. Атмосфера крайне напряжена. В посольстве ежедневно раздаются телефонные звонки с угрозами». («Жечпосполита», 2 авг.)

• Белорусские пограничники аннулировали разрешения на въезд у евродепутатов от «Гражданской платформы» — Барбары Кудрицкой, Яцека Сариуш-Вольского, Богуслава Соника, Богдана Клиха и сопровождавшего их президента (мэра) Белостока Рышарда Тура». («Газета wyborча», 9 авг.)

• «Вчера государства-члены ЕС впервые опубликовали совместное заявление: «Евросоюз осуждает последние шаги белорусских властей против Союза поляков Белоруссии и вмешательство правительства в деятельность независимой организации». (...) Под заявлением подписались 34 государства: к членам ЕС присоединились государства-кандидаты и государства, ведущие переговоры о заключении партнерских

договоров, а также государства европейской зоны свободной торговли». («Жечпосполита», 3 авг.)

• «Тот факт, что несмотря на все замешательство и натиск президент [Александр Квасневский] на этот раз воспользуется случаем промолчать, свидетельствует о его зрелости государственного мужа. Молчание главы государства — для Лукашенко куда большая неприятность, чем любое высказанное им мнение. (...) Пусть себе Лукашенко сколько надо подождет, прежде чем польский президент обратится к нему». (Яцек Жаковский, «Газета wyborcza», 8 авг.)

• «95 учащихся запрещенного в Белоруссии — за преподавание на белорусском языке — лица гостят в Польше. Они приехали по приглашению Клуба католической интеллигенции. Они учатся и слушают лекции видных и широко известных поляков». («Газета wyborcza», 9 июля)

• «Учащиеся из нелегального гуманитарного лица в Минске только в Польше могут учиться нормально. (...) В Минске их школа закрыта. Занятия проводятся в группах по несколько человек в снимаемых квартирах. О настоящих лабораториях не может быть и речи. Поэтому они с восторгом рассказывают об уроках физики и химии, которые проводятся сейчас в помещениях варшавских школ. (...) Их поразило посещение полевого кафедрального собора Войска Польского в Варшаве во время молебна за души жертв терактов в Лондоне. «Там был президент Польши, — рассказывают они, — генералы, дипломаты. Мы спросили, можно ли нам войти. Никто нам не мешал! Еще нам позволили сесть среди важных особ. В Белоруссии этого себе и представить нельзя. (...) Мы также смогли подойти к послу Великобритании и принести наши соболезнования. Теперь мы понимаем, что такое демократия»». (Эльжбета Полудник, «Жечпосполита», 25 июля)

• «Сейм текущего созыва принял поправку, выделяющую из госбюджета два миллиона злотых на ремонт зданий [Благовещенского] монастыря в Супрасле — причем за поправку голосовали как левые, так и правые депутаты». («Пшеглэнд православный», июль)

• «В субботу на православном кладбище на Воле [район столицы] варшавяне молились на могилах солдат Украинской народной армии. (...) «В 1920 г. поляки и украинцы впервые плечом к плечу воевали за свободу обоих народов», — сказал в своем выступлении Гжегож Пац из «Инициативы за свободную Украину»». («Газета wyborcza», 27 июня)

- В Гдыни закончился продолжавшийся два дня VII Экономический форум «Польша — Украина» с участием свыше ста предпринимателей и представителей обоих правительств. Договоры, в частности, о продаже украинцам металлургического комбината «Ченстохова» и Варшавского завода легковых автомобилей, были подписаны в присутствии президентов Александра Квасневского и Виктора Ющенко. Одновременно польское правительство обещало ввести правила, которые позволяют примерно 200 тысячам украинцев заниматься сезонной работой в Польше. («Газета wyborча» 1 июля; «Тыгодник повшехный», 10 июля)

- 76% поляков — за прием Украины в Евросоюз. Среди венгров и испанцев за это высказались по 49%, чехов — 46, граждан Великобритании — 45%. («Жечпосполита», 19 июля)

- «Несколько сот поляков и русских почтили память жертв Катыни в пятую годовщину открытия там польского военного кладбища. Кроме делегаций, прибывших из Польши (...), в траурной церемонии приняли участие жители Смоленска. (...) У польской делегации были трудности с приездом в Катынь: Белоруссия не дала разрешения пролететь над своей территорией, и правительственному самолету пришлось в обе стороны лететь обходным путем над Украиной». («Жечпосполита» 20 июля)

- «В субботу и воскресенье в Августове и Гибах отмечали 60 ю годовщину августовской облавы и убийства 600 поляков советскими органами. (...) Семьи убитых встречаются в Гибах каждый год. В субботу в Августове была открыта выставка памяти погибших». (Эльжбета Бура, «Газета wyborча», 18 июля)

- Юрий Афанасьев, почетный ректор Российского государственного гуманитарного университета: «В конце концов пакт Риббентропа — Молотова, Катынь и оккупация — все это имело решающее значение для будущей судьбы Польши и польского народа. Поэтому мне всегда было совершенно понятно, что поляки так обостренно чувствуют вопросы истории... А мы по-прежнему не хотим об этом слышать. Мы не способны признаться и признать историческим фактом, что так все и было, что мы в этом участвовали и что фактически Советский Союз начал II Мировую войну на стороне фашистской Германии. Восстановив эту истину, мы обретем самих себя. Без этого в современном мире жить не удастся». («Жечпосполита», 23–24 июля)

- «Рязанские депутаты сменили название площади Костюшко в центре города. По их мнению, это отрицательный герой:

устраивал восстания и воевал с царской Россией. Российский «Мемориал» добивается сохранения названия площади. (...) Рязань — главный город области, где расположено Сельце: здесь в 1943 г. была создана 1-я пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко. Дивизия начала свой боевой путь под Ленино, а закончила в Берлине. В советские времена она была символом польско-советского братства по оружию. По этой-то причине площадь в центре Рязани была названа площадью 1-й пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко. Был также поставлен памятник братству по оружию». («Газета выборча», 27 июня)

- «За два дня до празднования 750-летия Калининграда, когда-то Крелевца, российские СМИ заметили дипломатический афронт, состоявший в том, что не пригласили президентов Польши и Литвы». («Жечпосполита», 30 июня)

- «Лидеры Франции и Германии, приглашенные на юбилейные торжества приедут не в Крелевец (до 1946 г. — Кенигсберг), знаменитый тем, что там жил философ Иммануил Кант, а в город, носящий имя Михаила Калинина (1875–1946). Он был (...) близким сотрудником Сталина. Был также одним из тех, кто подписался под предложением уничтожить польских офицеров в Катыни». («Впрост», 10 июля)

- Стефан Братковский: «Путин празднует 750-летие... Калининграда. «А я и не знал, что Калинин жил 750 лет назад», — ответил на это мой брат». («Жечпосполита», 2–3 июля)

- «Польша поддержит Эстонию в споре, связанном с договором о границе, — заверил в Таллине после встречи с президентом Арнольдом Рюйтелем президент Александр Квасневский. — Эстония может ожидать поддержки от Польши, так как эстонско-российская граница — это одновременно граница России с Евросоюзом». («Жечпосполита», 6 июля)

- «Николай Афанасьевский, посол Российской Федерации в Польше, скончался в четверг в больнице министерства внутренних дел и администрации в Варшаве после тяжелой и продолжительной болезни. (...) Он работал в Польше с 2002 года. Во время майского саммита Совета Европы в Варшаве министр иностранных дел России Сергей Лавров благодарил за то, что «Польша проявила столько сочувствия и понимания, а польские врачи создают послу оптимальные условия лечения»». («Жечпосполита», 24 июня)

- «Избиение в Варшаве троих детей российских дипломатов вызвало в России возмущение. Владимир Путин назвал инцидент недружественным поступком по отношению к

России. (...) Польские дипломаты выразили сожаление в связи с нападением на молодых русских граждан. Однако, по данным нашего МВД, нападение было обычным актом бандитизма и хулиганства, достойным сожаления, но лишенным политического подтекста. (...) Трое русских подростков и их приятель-казах были избиты и ограблены группой молодых поляков». («Жечпосполита», 2 авг.)

- «В последние дни избиты два сотрудника польского посольства [в Москве]. Российский МИД выразил сожаление». («Газета выборча», 9 авг.)

- Второй секретарь польского посольства в Москве — третий избитый сотрудник посольства. По мнению радиокомментатора, «в таких обстоятельствах следует лишь ожидать продолжения». (1 я программа Польского радио, 10 авг.)

- «Когда в 1915 г. русские оставили Варшаву, на протяжении нескольких часов в городе исчезли сотни тысяч надписей кириллицей. (...) В свободной и независимой Польше такие надписи уже не служат болезненным напоминанием о ста с лишним годах неволи. (...) В Варшаве все еще можно найти написанные кириллицей вывески и таблички времен до I Мировой войны. До 1914 г. русские надписи были одним из самых заметных элементов варшавского пейзажа. Имперские власти точно определяли, как должны выглядеть вывески над лавками, как — таблички учреждений или с названиями улиц и номерами домов». («Газета выборча», 28 июля)

- По данным опроса ЦИОМа, поляки считают дружественной или недоброжелательной страной: Словакию — 69 и 4%; Чехию — 69 и 7, Литву — 61 и 7, Украину — 58 и 15, Германию — 50 и 23, Белоруссию — 22 и 47, Россию — 9 и 68%. («Газета выборча», 28 июня)

- «Беженец — это эмигрант, которому на родине грозят расовые, религиозные или политические преследования. В Польше статус беженца получают немногие. В 2004 г. было подано свыше 8 тыс. заявлений, а статус беженца был предоставлен 315 лицам. (...) Чеченцы составляют почти 90% от общего числа просящих убежища». («Жечпосполита», 20 июня)

- По данным опроса ЦИОМа: «77% поляков высказываются за прием беженцев; почти 63% считают, что государство должно обеспечить им пребывание в особых центрах до того, как они станут на ноги. За высылку иностранцев выступает всего 13%. Однако целых 67% опасаются, что наплыв иностранцев вызовет рост безработицы, и неполных 50% — что он будет

содействовать росту преступности и конфликтов на национальной основе. (...) Только 14% считают, что беженцам следует помогать в поисках работы, а 8% — за организацию для них курсов польского языка». (*«Жечпосполита»*, 4 авг.)

• «Седльце включаются в программу восстановления популяции перелетного сокола, проводящуюся в Польше с 1990 года. До сих пор на территории страны (в городах и лесах) выпущено свыше 200 птиц. Гнезда свили 15–20 пар. Одна из них поселилась на Дворце культуры и науки в Варшаве. (...) До сих пор кроме Варшавы соколы поселились также в Плоцке, Влоцлавеке и Щецине». (*Магда Опока, «Газета wyborча»*, 24 июня)

• «63 европейских суслика выпущены на просторный луг в районе Каменя-Шленского. Это теперь единственное место в Польше, где эти грызуны живут на воле. (...) Согласие поделиться [с нами] своими популяциями [сусликов] выразили только Венгрия и Швейцария. (...) Их выпустили в специальный вольер на лугу, где в 1970-е существовала большая колония этого вида. Вольеры должны обеспечить безопасность (...), а также помочь сусликам обжиться». (*«Газета wyborча»*, 4 авг.)

• «Суд на два года условно закрыл уголовное дело против директора убежища для животных в Белостоке и двух ветеринаров из этого убежища, обвиненных в неоправданном усыплении свыше 500 собак. Подсудимые признаны виновными по всем пунктам обвинения. (...) «К собакам в убежище относились как к неодушевленным предметам, а они ведь не предметы, — мотивировал решение судья Кшиштоф Козловский. — Животное как живое существо способно испытывать страдания — это не вещь». Смягчающим обстоятельством была признана слишком малая дотация на содержание убежища». (*Агнешка Кашуба, «Жечпосполита»*, 21 июля)

• «Как кончает свою службу в польской полиции немецкая овчарка? Ее отправляют на аукцион как старую полицейскую машину. Если никто ее не купит, ее усыпляют. (...) Право первенства при покупке дано проводникам. (...) Если они собак не выкупят, те попадают к чужим. Там они страдают и умирают от тоски. А когда никто их не выкупит (...) собак усыпляют [несмотря на то, что] в законе об охране животных ясно сказано, что здоровое животное (кроме сельскохозяйственных и подопытных) можно убить только в том случае, если оно настолько агрессивно, что опасно для людей». (*«Газета wyborча»*, 5 авг.)

- «Главный комендант полиции Лешек Шредер поручил немедленно изменить предписания о немецких овчарках, заканчивающих службу. (...) Делом заинтересовался министр внутренних дел и администрации Рышард Калиш». («Газета wyborча», 6-7 авг.)

- В день 70 летия XIV Далай-ламы общество «Студенты за свободный Тибет» выкупило животных, предназначенных на убой, ради многих лет жизни Далай-ламы и свободы тибетскому народу. «Обычай выкупать животных и даровать им жизнь, — говорит Адам Козел из Хельсинкского фонда по правам человека, — это старая тибетская традиция. Это всегда делается ради чего-то хорошего. На них завязывают пятицветный или красный бант — в знак того, что животных нельзя убивать». Выкупленные животные (полугодовой кабан, молодая свиноматка, корова, две овцы, коза и гусь) будут доживать до своей естественной смерти в хозяйстве Христианской группы поддержки. «У нас, — говорит его владелец, пастор Рышард Зимонь, — живут бездомные трезвеющие алкоголики. Животные учат их любви, терпению и ответственности. Тому, кто испытал и совершил в жизни немало зла, иногда легче общаться с животным, чем с человеком». («Газета wyborча», 11 июля)

Петр Мицнер

ПУСТОШЬ

Днепр

(отрывок 1 й)

Берег швырнул меня в реку

река отбросила

к чему-то что уже —

не берег

не река

не ты

не я

* * *

В глубине буфета

нарезанный хлеб

и хлеб не разрезанный

Сохнут вместе

Узел

Я придумал развязку

но где же узел?

Говорят то ли сгнил

то ли съехал к центру клубка

то ли наоборот

говорят он в музее

говорят разрублен

говорят нет

Сниму-ка я себе копию

в масштабе развязки

У входа в сад

Два молодых шершня

в траве

сражаются жужжат

растаптываю обоих

боюсь шершней

но у меня толстая подошва

и я их растаптываю

* * *

Никто не целует птиц

вот почему у них жёсткие клювы

из которых вырывается песня

вот почему они так быстро проносятся

над нами

* * *

Над пропастью

мост

я мост

я пропасть

я тот

кто перейдёт

* * *

Впусти в дом

стервятника —

нечего бояться
если ты не падаль

* * *

Он стоял на коленях
мы не дали ему милостыни
он встал
и ушёл
прихватив с собою весь мир
и нас впридачу

* * *

Живые закапывают мёртвых
поливают слезами
а всходит что-то совсем другое
совсем не здесь

* * *

Убери со стола стакан
проверь крепко ли стол стоит
проведи ладонью
нет ли заноз
гвоздей
Теперь можешь
понемногу согнуть пальцы
сжать кулак
вот теперь бей

* * *

Казалось

незачем
встречаться
у каждого свой луг
и место на том лугу
а ведь луг
был только один
Ты приходила утром
я вечером
сегодня
— то ли ты задержалась
— то ли я пришел раньше
главное
что мы оба здесь
полдень

Перевел Андрей Базилевский

Разговор господина Линнея с белкой

Ты не выдержишь всех имен
что даю тебе всех смыслов
что вкладываю тебе в лапки
мои названия не съедобны
как орехи или грибы
но твои-то бывают тоже
пустые червивые
* * *
на сосну удравши
и хвост исчез

высоко уже
и далёко
а глупая собака
бегает по кругу
и лает

Днепр

(общий план)

Подпалённые поля газеты
подожженные поля газеты
надорванные
заросшие буйным чернобылем
между полями берегами мой родной

Опознание

Отец?

После стольких побегов
как ты меня отыскал?
Я увидел его занимаясь уборкой
под столом

Сколько воды утекло
никого уже нет
чтоб его починить

Порядок вещей

таков голод вещи
что вещи нас хотят
и таков холод вещи
выбитой из руки

что она нас больше не студит
время ее не берет
и вещь не имеет времени
потому и стоит —
этот серебряный под-
стаканник

Первая страница

Бог сказал
двоеточие а дальше
только шла и шла
тварь за тварью
так и шли без запятых

Поручение

«Сожги стихи и письма и всякие следы»
Ну и сожгла
даром что спички
совсем промокли
а следы — в прихожей
на постели
и дальше

* * *

Стою перед Стеной Плача
этой страницы
никак мне не втиснуть
между плотных камней

Перевела Наталья Горбаневская

У МЕНЯ НЕТ СЛОВ

Вопрос о собственном «я» в новом сборнике стихов Петра Мицнера «Пустошь» (2004) выглядит самым важным, но оно подвергается неустанной проверке, пробам: «Помнить о предках без наследства (...) // помнить о памяти // о себе без себя» («Помнить о предках...» [все цитаты из стихов П.Мицнера приводятся в пер. Н.Горбаневской]); «Говорю что иду / а не иду / только хожу / несвой по несвоим» («Беженцу»); «еще не знаешь где / и когда // пальнет в тебя / заблудившимся предком» («Старина»). И наконец:

*Верный
автопортрет
ушел
и вернулся
подходит
глядит
не верит
твоим глазам*

Последний фрагмент взят из завершающей книгу поэмы «У дороги», представляющей собой своеобразный коллаж подсмотренных сценок, размышлений и воспоминаний. Открывая это описание здесь и сейчас, поэт ставит знак дистанции: «Ни времени ни места». Когда-то «мы играли в / кровные связи» — теперь «ищем целого / в дырявом» («Зачем же мы»)

Скитальчество, дорога, беженство, потерянность, смешение порядков — все это не способствует ясному и отчетливому определению собственного «я». Но мешает ли это? Да, хотя бы до известной степени, до момента, когда невозможным или по крайней мере трудным становится взаимопонимание с другими. В пространствах и временах, фиксируемых в стихотворениях этого сборника, звучит эхо концовки «Азиатов» Ивашкевича: «Так неужели только тогда и будем богаты / Знаньем — узнав, европейцы мы или азиаты?» (пер.

А.Базилевского) Русский «след» этой лирики кажется необычайно важным: вместе с автором мы меряем все новые отрезки Днепра, входим в «град Петров», где писатель и цензор Осип Сеньковский, ставящий печать с номером 22 (намек на знаменитое, так и не расшифрованное «сорок четыре» у Мицкевича), усердно служащий императору всея Руси, обращается к петербургским сфинксам: «вы молчите такая ваша сфинская натура (...) // но с поляком сучья мать / вы молчите иначе» И через мгновение в поэме переплетаются два течения: «Черная Речка / Вторая Речка» — смерть Пушкина, смерть Мандельштама, по сути тождественные, если говорить об отношениях между империей и поэтами. Все это фрагменты, проблемски событий и ассоциаций, которые обращают внимание читателя на трагизм русской судьбы — но и на связь ее с польской судьбой.

Однако это, конечно, один — хотя и важный, и заслуживающий раздумья, особенно в рамках поисков собственного «я», — эпизод поэзии Петра Мицнера. Ее исторические отсылки, зондируя вопрос о памяти прошлого и ее роли сегодня, захватывают пространство в глубину:

*Есть же бечевки которыми
я связан с колоколом Сигизмунда
и виселицей Траугутта
но в чьих руках?
(«У дороги»)*

И снова: насколько я за себя отвечаю, а в какой степени поддаюсь готовым стереотипам? Как играть с ними? Может, вот так:

*Не просторна корона
чтоб не съехала
на шею
(...)
Чего уж там
если не удастся
будет решка*

(«У дороги»)

Снова шуточка. Всего лишь шуточка? Пожалуй, не только: договаривание сказанного, развитие его, разыгрывание в языке отворяет новые миры, открывает иные действительности или хотя бы позволяет заметить замолчанное, незаметное, не обращающее на себя внимания — так происходит в поэтическом комментарии к акту Божественного творенья:

Бог сказал

двоеточие а дальше

только шла и шла

тварь за тварью

так и шли без запятых

(«Первая страница»)

Дело сотворения мира воспринято как запись о нем: текст бытия, вмещенный в эпиграмматическую форму, слегка, осторожно стилизованной под библейский язык, есть нечто целое, безостановочный ход событий, в который мы вписаны наряду со всеми остальными существами. Мы идем вместе с ними, за ними, среди них. И неудивительно, что в этой лирике существует нечто, что «делит ночь / на абзацы» («То что»), что хотя «каждый брал слово», но слова эти исчезают и «слов нет», осталась Базальтовая улица, на которой за красной кладбищенской стеной поставлены «каменные точки» («Кладбище на Базальтовой улице»). Так текст бытия встречается с текстом небытия. И уже не удивляет, что «Искусство любви» Овидия преобразуется — как тому и положено быть у автора «Метаморфоз» — в труд, который «будет называться «Искусство изгнания»» («Овидий»). В конце концов все мы изгнанники: из рая, с малой или большой родины, из языка в язык. Поэтому в концовке «Старины» мы читаем: «Это не мои слова / у меня нет слов». Отсутствие слов, приговоренность к «не моим» словам, к словам данным, продиктованным «заблудившимися предками», — это столкновение с пустотой, пустыней, где предстоит оказаться скитальцу: «Надо хорошо отряхнуть одежду / а то из каждой песчинки / пробьется росток пустыни // и из книг. Да только одеждой заложены / неотвратимые страницы / тома что я дотащил досюда / до самого конца // (...) Когда никто не видит / мы на камне / точим последнюю вольную песчинку // Дети

отцов пустыни» («Песок»). Дети отшельников, пустынники массового общества, погруженные в слова, в книги. Лишние люди, «дети отцов пустыни» уже так удалены от мира, что стали ему ближе всего, ибо охватывают целое, которое невозможно выразить словами. На самом-то деле они не знают, кто они, и продолжают приближаться к себе, зная, что чем ближе, тем больше от себя удаляются, ибо продолжает расти их дистанция от языка.

ЧЕЛОВЕК С НАДЕЖДОЙ

В 1976 г. Анджей Вайда снял свой знаменитый фильм «Человек из мрамора», получивший премию ФИПРЕССИ на Международном кинофестивале в Каннах и приз за лучший иностранный фильм в Италии в 1978 году. В 1981 м появилось продолжение этого фильма — «Человек из железа». Фильм был посвящен деятельности «Солидарности» и включал кадры с участием Леха Валенсы. За этот фильм Анджей Вайда получил главную премию на Каннском фестивале.

В этом году режиссер вернулся к теме «Человека из железа»

— Ваш последний проект — фильм «Человек с надеждой», своеобразное продолжение «Человека из железа». Вы упоминали в своих интервью, что идея снять «Человека с надеждой» появилась еще в 80 е годы. Как вы представляли этот фильм тогда и насколько изменилась его концепция сегодня?

— Лех Валенса действительно прислал мне тогда телеграмму к дню рождения с предложением снять после «Человека из мрамора» и «Человека из железа» «Человека с надеждой». И теперь я подумал, что 25 летие «Солидарности» — подходящий момент для того, чтобы режиссеры, которые когда-то поддержали это движение, сегодня также показали свою заинтересованность и свое участие в событиях, которые связаны с празднованием 25 летия «Солидарности». И родился фильм, который состоит из 13 короткометражек, снятых 13 режиссерами. Каждый из нас представляет свою историю. Я в своей истории рассказываю как раз о том, как Лех Валенса прислал мне ту телеграмму со своим предложением, но я так никогда и не снял фильм «Человек с надеждой». И отвечаю на вопрос, почему я этого не сделал, хотя у меня в руках было несколько сценариев, написанных специально на эту тему. Я не снял этот фильм, потому что «Солидарность» со временем изменилась в своей основе. В 1980 г. это было мощное общественное движение, которое объединяло и рабочих, и интеллигенцию, представителей разных профессий и взглядов. Мы все страстно хотели, чтобы Польша изменилась. Тогда мы не думали о том, что может измениться политический строй. Но мы хотели, чтобы та общественная сила, которой было 10 миллионное движение «Солидарности», действительно могла влиять на события в нашей стране и изменила что-то к лучшему. Такова была наша главная цель.

К сожалению, ни один из предложенных мне сценариев не продвинулся дальше этой идеи, так как со временем «Солидарность» пришла к своей основной функции — функции профсоюза. А профсоюз не может руководить страной. Страной должны управлять разные силы, выражающие интересы различных общественных групп, «Солидарность» же выражала интересы фактически только рабочих больших промышленных заводов. Проблема была также в том, что многие из этих заводов нуждались в реструктуризации. Поэтому постепенно «Солидарность» перестала быть «Солидарностью»-победительницей, она превратилась в профсоюз, который защищал права его создателей-рабочих. Поэтому все сценарии, которые я получил на эту тему, были в основном критического характера. Они выражали недовольство современным развитием Польши — экономическим положением, положением тех людей, которые сражались за «Солидарность», а сегодня испытывают трудности: к примеру, потеряли работу или не нашли того занятия, которое приносило бы им удовлетворение. Я не хотел снимать фильм, который хотя бы в малой степени повредил легенде «Солидарности», ее главной замечательной идее. Я просто не нашел ни способа, ни момента, который мог бы показать надежду на что-то.

— Однако сейчас вы увидели эту надежду?

— Наша дискуссия — в ней участвуют исполнители главных ролей в «Человеке из мрамора» и «Человеке из железа» Ежи Радзивиллович и Кристина Янда, а также я и Лех Валенса — вертится вокруг вопроса, а не был ли уже фильм «Человек из железа» по сути фильмом «Человек с надеждой»? Не заключала ли в себе истинную надежду та минута, когда Лех Валенса подписывал на судовой верфи соглашение с правительством? Может быть, если бы генерал Ярузельский не ввел военное положение, «Солидарность» могла бы постепенно преобразовать промышленные предприятия на свой лад, и у нее был бы шанс исполнить свою роль до конца. Но военное положение эту возможность перечеркнуло.

— Согласно вашему замыслу, герои вашего фильма пытаются ответить на вопросы, которые были заданы в фильме «Человек из железа». Например, какова роль этики в политике. Вам удалось найти ответ?

— Я бы начал с того, что, на мой взгляд, «Солидарность» во многом идеализировала политическую ситуацию. С другой стороны, «Солидарность» действительно была построена на определенных этических нормах. Можно сказать, что это было

общество людей, объединенных не только интересами, но и общими представлениями о том, чего нужно добиться во имя трудящихся в этой стране. Однако положение кардинально изменилось, когда множество представителей этого движения вошло в парламент. И возникла ситуация, характерная для каждого парламента, где определенные группы защищают интересы своих социальных структур и не думают о развитии государства в целом.

— *Какое место, на ваш взгляд, занимает сегодня поколение «Солидарности» в общественной структуре Польши?*

— Это хороший вопрос. В моем фильме Леха Валенсу спрашивают, на что он рассчитывал, с чем главным образом была связана его надежда, а также кто сегодня герои нашего времени. Он ответил, что, когда мы будем отмечать 50 летие «Солидарности», тогда и появятся нужные герои. И вспомнил, как Моисей в течение 40 лет водил евреев по пустыне, для того чтобы вымерло воюющее поколение и появилось новое, способное создать свое государство. Так что, согласно Леху Валенсе, только ближе к 50 й годовщине «Солидарности» мы можем рассчитывать на другое поколение, на тех, кто будет способен оценить «Солидарность» так, как она того заслуживает, и будет ясно видеть свое будущее. И уже не будет людей обиженных, что их недооценили.

— *Как отметили журналисты, фильм «Человек с надеждой» заканчивается на оптимистической ноте. Вы выбрали такой конец, потому что действительно видите в будущем Польшу преуспевающей страной, занимающей сильную позицию в мире, стабильной в своем развитии... Или такое настроение в вашем фильме создала годовщина «Солидарности»?*

— Мы бы хотели, чтобы так было. Но, к сожалению, сегодня существует конфликт между теми людьми, которые создали «Солидарность», а вместе с ней новую политическую и экономическую ситуацию в Польше, и привели нашу страну к членству в НАТО и ЕС, и теми, кто тоже представляет этот профсоюз, но чьи интересы сводятся единственно к защите интересов рабочих. Мы готовимся сегодня к празднованию 25 летия «Солидарности», но какой «Солидарности»? Я задаю себе этот вопрос. Мы бы хотели, чтобы это была «Солидарность» Леха Валенсы, которая изменила Польшу и сделала ее свободной страной и частью Европы, страной, у которой есть будущее, несмотря на все трудности, которых не удалось избежать при этих преобразованиях.

Беседу вела Виктория Дунаева

НЕЖЕЛАНИЕ ВЗРОСЛЕТЬ

О том, что я принадлежу к тридцатилетним, а точнее о том, что я уже не играю в команде двадцатилетних, я догадалась, когда один из студентов, говоривший о своих впечатлениях от фильма «Рубцы» — а рассказывал он о нем с нескрываемым восхищением, — сказал о Михале Жебровском: «Не такой уж и молодой, но актер потрясающий». Михал Жебровский старше меня только на год, выглядит великолепно, играет еще лучше, да и из меня песок еще особо не сыплется: могу догнать автобус и на Свиницу в Татрах (2300 м) поднимаюсь не запыхавшись. Впрочем, столь внезапное и решительное причисление меня к определенной возрастной категории не подействовало на меня угнетающе, зато заставило ближе присмотреться к своим ровесникам, которые появляются на экране, — тридцатилетним героям польских фильмов. Тем, кто вырастал в период перелома, военное положение помнит с точки зрения младшего школьника и чьи эстетические пристрастия формировал панк-рок. Быть может, кому-нибудь удастся создать какой-то более или менее цельный образ этого поколения?

Тридцатилетний герой — это в польском кино не новинка, особенно если припомнить явление, получившее в свое время название «кино морального беспокойства» (см. блестящую статью Мариоли Янкун-Допарт «Молодое кино 70 х годов», описывающее такого героя, его невзгоды и метания). Однако тридцатилетний герой «кино морального беспокойства», по словам Янкун-Допарт, — это человек, который «прозрел», уже оставил за собой этап юношеского идеализма и уже знает, что жизнь не подчиняется принципу «все или ничего». В противоположность этому герою современные тридцатилетние: Войцех из «Рубцов» Магдалены Пекож, Эва и Павел из фильма «Третий» Яна Хрыняка, Михал из «Я смотрю на тебя, Марыся» Лукаша Барчика и Михал из «Двойного портрета» Мариуша Фронта — не отличаются особым стремлением «прозреть», не желают становиться взрослыми, зрелыми людьми. Однако этот очерк — отнюдь не попытка выявить причины подобного явления (и слава Богу): я хотела бы только ближе присмотреться своим экранным ровесникам.

Сегодняшние тридцатилетние не дождались (еще) своего документального портрета. Марии Змаж-Кочанович в фильме

«Поколение 1989 го» превосходно удалось описать предыдущее поколение, поколение победителей, родившихся в середине 60 х, тех, кому идеально удалось воспользоваться плодами перелома. Тем, кто учился демократии и рыночному хозяйству, создавая их, чьи карьеры — и они вовсе не скрывают этого перед камерой — нередко зависели от удачного стечения обстоятельств и появившейся необходимости назначать на высокие посты людей без комплексов, с открытым умом и широкими горизонтами. Герои «Поколения 1989 го» не изображают из себя революционеров-подпольщиков, боровшихся с режимом, никто ничего не мифологизирует, те, кто создавал когда-то студенческую оппозицию, бывшие члены Независимого союза студентов, рассказывают об этом с иронией и юмором. И поэтому им даже немножко завидуешь. Завидуешь их чувству юмора и этому умению взглянуть на все как бы со стороны.

Столь же достоверно Петр Щепанский в своем фильме «Поколение С.К.O.D.», посвященном альтернативной рок-группе «Cool Kids of Death» (и попытке осознания этого феномена) показал следующее поколение — неприиспособленных к жизни двадцатилетних, поддающихся на любые манипуляции, становящихся наивными жертвами любой (более или менее правдоподобной) провокации. Разумеется, эти двадцатилетние — только «фаны» рок-группы, тогда как возраст самих музыкантов приближается к опасному порогу тридцатилетия.

О тридцатилетних — как об отдельном поколении — не создано (еще) ни одного документального фильма. Действительно, трудно найти для нас всех какую-то общую «отмычку», мы лишены даже спланированного политического опыта, хотя военное положение для нас — вовсе не доисторические времена. Нам не удалось с большим комфортом устроиться в новой Польше — по сравнению с героями «Поколения 1989 го», но никто же никому и не обещал, что теперь все будет прекрасно, безопасно и удобно. К тому же мы сами должны были расцвечивать штаны в панковском стиле, да и скейт-шопов еще не было. И как же тут описать таких «неудачников»?

Когда я рассказывала Петру Щепанскому (1975 г.р.) о том, как горячо воспринимают его фильм люди, родившиеся в начале 80 х, и еще о том, чем мы отличаемся от них, я услышала в ответ: «Нашему поколению не повезло. Наше поколение никогда не бунтовало — мы учились... Система рушилась, а мы учились». Это правда. Когда мы обращаемся к (сегодняшним) тридцатилетним героям кино или, допустим, литературы, все

время кажется, что у них еще «все впереди». Они все еще готовятся, еще ждут минуты испытания, еще совершенствуются — и все это, разумеется, для того, чтобы суметь достойно ответить на брошенный вызов и при этом, конечно, не опозориться.

Герои «Поколения 1989 го» занимались политикой, и их не интересовало, как их будут воспринимать другие, как оценивать, — важно было само действие. Героям «Поколения С.К.О.Д.» совершенно все равно, кто что о них подумает. Зато тридцатилетний всегда взвесит всяческие «за» и «против» и сделает это от страха. Перед осмеянием, перед неприятием, перед ранами на всю жизнь, которые может оставить другой человек, и наконец (и об этом также рассказывают фильмы «Я смотрю на тебя, Марыся», «Двойной портрет» и «Рубцы») — перед ответственностью. Таким образом, общая черта тридцатилетних, которых мы видим в кино (да и в жизни), находящихся в точности посередине между отважным поколением 1989 го и соплячески-наплевательским «поколением С.К.О.Д.», — это страх. Отсюда и берется как нежелание взрослеть (оно характерно и для литературных героев, начиная с персонажей из «Белой вороны» Анджея Стасюка и кончая рассказчиком «Текилы» Кшиштофом Варгой — кстати, одним из героев «Поколения 1989 го»), так и отказ от активной деятельности. Экранные «тридцатилетние» немного напоминают этой чертой декадентов рубежа XIX–XX столетий: декадентский жизненный стиль признавал только такие формы активности, как поза и романтический жест. Так что же, быть может, уже снят фильм, автор которого коснулся проблемы поколения, находящегося «между»? Так представил себя в фильме «Какого красавчика я родила» Мартин Кошалка. Как лежащего на диване в родительской гостиной молодого человека, оканчивающего еще один институт, где он получит еще одну не слишком высоко оплачиваемую профессию. Кроме того это фильм об эрозии семьи, о домашнем застенке, который устраивают близкие люди тем, кого сильнее всего любят. А разве краткое изложение этого документального фильма ничем не напоминает изложения «Рубцов»? (И, вероятно, нас уже не удивит тот факт, что Мартин Кошалка был оператором-постановщиком дебюта Магдалены Пекож).

Экранные тридцатилетние боятся семьи. Разумеется, прежде всего они боятся, что не справятся со своей ролью в семье. Насколько безопаснее постоянно откладывать решение, чем попытаться наконец найти себя. Самое трудное в жизни — это нормальность: семья, работа, дети и т.п. А может быть, сегодняшние тридцатилетние боятся еще и нормальности? Для

героев «Поколения 1989 го» семья была институтом общества, против семьи бунтовали, но до нее и дорастали... Приведем хотя бы слова Кшиштофа Варги: «Тогда для меня моя семья и коммунистическая власть ничем не отличались, я одинаково относился к своим родителям, генералу Ярузельскому, милиционерам и учителям. Все это было — аппарат подавления». Они ничего не демонизировали. Они успели созреть. Герои фильмов о тридцатилетних, вместо того чтобы взрослеть, предпочитают ждать и строить планы на будущее. Они отходят в сторону и мечтают о героизме, об эмоциональных потрясениях, об экзистенциальных ситуациях типа «все или ничего». И поэтому иногда впадают в истерику. Михал (Михал Буковский) из фильма «Я смотрю на тебя, Марыся» истерически реагирует на «героическое» сообщение родителям о своей профессиональной несостоятельности: работая психиатром, он воплощал в жизнь желания матери и отца, а не свои собственные (впрочем, это очередная общая черта экранных тридцатилетних — жить не для себя, а для других). Делает он это перед самой своей свадьбой, да и то вынужденной, по причине беременности своей невесты Марыси (Майя Осташевская). И последствия этого приступа истерики его как-то не интересуют, даже то, что он может остаться безработным кормильцем молодой семьи. Михал со страхом почувствовал, что в конце концов настал тот момент, когда он будет должен жить для себя и за себя отвечать, что вскоре появится живой человек, перед которым он уже не сумеет притворяться и который будет обладать самым бесспорным правом потребовать от него ответа за незрелость. Однако Михалу повезло: несмотря на (уже) непростительный в этом возрасте инфантилизм, Марыся остается с ним. Быть может, им наконец удастся что-то построить?

После «Я смотрю на тебя, Марыся» — трогательным и достоверным эссе на тему мужской истерии и мужской несостоятельности, в которых герой может винить только себя самого, Лукаш Барчик не мог не снять фильм, реабилитирующий мужчин. Поэтому появились на свет «Перемены», ставшие еще одним голосом в дискуссии об эрозии мужественности и женственности в сегодняшнем мире. В «Я смотрю на тебя, Марыся» мир спасает Марыся, а в «Переменах» все ставит на свои места Снаут (Яцек Понедзялек).

В свою очередь, Михал (Мацей Адамчик) из «Двойного портрета» Мариуша Фронта, болезненно откровенного фильма о художественных и жизненных распутьях молодой актрисы и режиссера, пытающихся как-то существовать в Варшаве (заметим, что город тоже становится героем фильма), всю

свою энергию и упорство вкладывает в планы (опять планы) и попытки снять свой первый фильм. Михала не интересует, что живущая с ним женщина (Эльжбета Пекач) хотела бы от него ребенка. Впрочем, один ребенок у Михала уже есть, от предыдущего брака, но он не в состоянии справиться даже с ролью «приходящего» отца. Быть может, ему действительно проще и легче размахивать камерой, чем обеспечить кому-то ощущение безопасности и уверенности в завтрашнем дне? А ведь одно не исключает другого. Быть может, сегодняшние тридцатилетние действительно ищут для себя целей, достойных «настоящего» мужчины? Ведь забота о ком-то — это так банально... Быть может, чтобы что-то наконец почувствовать, действительно нужно быть не меньше чем создателем (фильмов) или открывателем (пещер)? Любопытно только, откуда у них такая потребность в героическом? И действительно ли только так можно ощутить вкус жизни?

Дело также и в том, что у сегодняшних (экранных) тридцатилетних есть еще одна проблема — со вкусом жизни. Это относится как к финансово независимым Павлу (Яцек Понедзялек) и Эве (Магдалена Целецкая) из фильма «Третий» Яна Хрыняка, супружеской паре, подтачиваемой рутиной (только чего?) и занимающейся непонятными психологическими играми (здесь мы снова видим это стремление к эмоциональным крайностям), людям, неспособным увидеть красоту случайности, научиться жить друг с другом без того, чтобы вживаться в очередную фальшивую, смехотворную и ненужную роль, так и к молодому человеку, ищущему свою первую после окончания института работу, — Кшиштофу (Томаш Кот) из фильма (который показывают только на фестивалях, а жаль) «Вторник» (2000) Михала Газды. «Вторник» — это фильм, идеально воссоздающий страхи сегодняшнего тридцатилетнего. Режиссеру в этой дипломной короткометражке (продолжающейся меньше четверти часа и снятой в форме предсмертной исповеди молодого человека, которого смертельно ранили ножом хулиганы) удалось рассказать и о страхе повзрослеть, и о страхе состояться. После беседы о приеме на работу, во время которой Кшиштоф не особенно старался как-то обратить на себя внимание, он звонит своей бывшей девушке Касе и ограничивается лишь жалобами: что он по-прежнему о ней тоскует, что ненавидит ее теперешнего ухажера, — и умоляет о встрече. Мужчина не борется, не настаивает, соглашается с тем, что девушке он просто надоел. Кшиштоф идеально пассивен, даже тогда, когда умирает. Он просто присаживается на какой-то приступок и ждет, как ждал всю жизнь. А ждал он любви, счастливого случая — и не

дождался. В современном польском кино нечасто встретишь настолько подлинные (и полные отчаяния) реплики, как фрагмент предсмертного внутреннего монолога героя «Вторника»: «Так мне и не довелось, никогда я не летал на самолете, не попробовал устриц, не нырял с аквалангом, не пил настоящего шампанского, не бывал в Америке, блин, даже машину не водил, даже прав водительских и то у меня нет». Как и другие тридцатилетние, Кшиштоф тоже тоскует по сильным чувствам и переживаниям, ему кажется, что лишь в чрезвычайных обстоятельствах он показал бы, на что способен, а так — незачем даже стараться. «Интересно, как бы я вел себя во время оккупации? Сколько раз я смотрел фильм про Варшавское восстание, и каждый раз мне плакать хотелось. У меня не было даже возможности носить ленточку за сопротивление в петлице». Потому-то, быть может, он и выбирает смерть. Потому что смерть — это окончательная крайность. Я написала выше, что «Вторник» — это еще и фильм о неумении ощутить вкус к жизни, но трудно ощутить этот вкус, если ты живешь, чтобы реализовать чужие, а не свои собственные чаяния. Михал из «Я смотрю на тебя, Марыся» жил в соответствии с чаяниями своих родителей, Кшиштоф повторяет, как предсмертную мантру: «Я теперь инженер с дипломом, я инженер с дипломом, ты доволен, папа»? «Вторник» Михала Газды по праву занимает свое место в ряду фильмов о тридцатилетних не только из-за своего героя. Следует еще особо отметить форму этой короткометражки. Оператор Томаш Аугустынек снимал фильм без искусственного освещения, так что в первую очередь мог воздействовать на зрителя исключительно композицией кадра. Авторы многое заимствуют из языка рекламы и телевизионных клипов — и это вовсе не упрек, потому что по-другому рассказать об искусственном мире иллюзий Кшиштофа не удалось бы. Именно этот язык сформировал эстетические вкусы сегодняшних тридцатилетних, именно они являются для него привычными, и потому любое стремление к простоте или парадоксальной стилизации выглядело бы фальшиво. И еще одна деталь: в финале короткометражки звучит песня «Fake Plastic Trees» группы «Radiohead», сыгравшей весьма важную роль в жизни тех, кто родился после 1970 го (да и не только их).

Михал из фильма Лукаша Барчика и Кшиштоф из этюда Михала Газды жили для родителей и по плану родителей, не сумели найти в себе сил, чтобы проявить себя как взрослые и достичь независимости и автономии зрелого человека. Герой «Я смотрю на тебя, Марыся» и режиссер из «Двойного портрета» в своих личных отношениях вместо нормальности стремились к

эмоциональному каскадерству. Войцех (Михал Жебровский) из «Рубцов» выбрал иной вариант несогласия вести нормальную жизнь зрелого человека. Он решил, что будет жить не для отца, а против отца и что никакими экстремальными видами спорта в области чувств заниматься не будет.

Но изо всех перечисленных здесь героев он и есть самый большой трус. Он даже не пытался существовать нормально, не пытался строить минимальных отношений с другими людьми, предпочтя бегство в открываемые им пещеры и в тексты, которые он пишет для газет.

И как раз его судьба покарала суровее других: убегая от отца, Войцех повторил его жизненный путь, не сумел никому доставить радости без того, чтобы одновременно не поранить. Даже когда он кормил птиц — он делал им больно.

И как раз над ним судьба посмеялась особенно жестоко. Наш герой считал себя самостоятельным, взрослым, зрелым, сильным мужчиной, а вел себя как подросток, не умеющий сдерживать своих минутных настроений, ибо иначе, чем химерами распущенного сопляка, нельзя назвать его взрыв бешенства на базе спелеологов или ведение матча с соседями со счетом на децибелы.

И как раз ему судьба дала самый прекрасный шанс. Войцех встретил Таню (Агнешка Гроховская), которая решила «наставить его на путь любви». Таня (младшая сестра Сони Мармеладовой и в то же время олицетворение гимна о любви из Послания к Коринфянам) открыла нашему герою вкус жизни и самореализации. Она начала с покупки наушников, чтобы тот перестал мучить уши соседей, и поделила с ним первые радости маленьких жизненных удовольствий (питье именинного вина), она добилась того, что Войцех попытался принять в себе маленького Войтека, избиваемого когда-то отцом в качестве наказания — но из чувства любви и заботы (я знаю, что это звучит как парадокс, но фильм Магдалены Пекож переполнен парадоксами). Я написала «попытался», потому что хотя он и принял свое несколько навязанное ему отцовство, но каким отцом он будет на самом деле — мы не знаем. Я не верю в немедленное перерождение героя, он сделал лишь первый шаг — перестал грешить страхом.

И, быть может, ему повезет, если рядом будет умная и добрая женщина. Действительно, двоих тридцатилетних — Войцеха и Михала из «Я смотрю на тебя, Марыся» подтолкнули к зрелости именно женщины, Марыся и Таня, благодаря женщинам они усвоили первый закон взрослой жизни: ты сам несешь

ответственность за свои поступки. Правда, конфликт в «Двойном портрете» остался неразрешенным, Кшиштоф просто не успел, а Павла и Эву из «Третьего» от их инфантилизма излечил встретившийся им по пути Старик — Марек Кондрат. Мужчины стали взрослыми благодаря своим младшим подругам (кстати, достоверного портрета тридцатилетней женщины у нас в кино пока нет — и речь здесь вовсе не идет о польском эквиваленте Бриджет Джонс), руководствующимся законами биологии и обычной человеческой любовью, а не благодаря очередным открытым пещерам, написанным текстам, ученым степеням или творческой деятельности.

Пока я писала этот текст, я поняла, что люблю своих экранных ровесников. Несмотря на их инфантилизм, страх перед всем обыкновенным, несмотря на их нежелание взрослеть и жить нормальной жизнью, несмотря на стремление к эмоциональному каскадерству и мечтания о героических временах, ибо лишь тогда они сумели бы показать, на что способны... Я люблю их за то, что в своих слабостях они глубоко человечны, хоть и страшно раздражают. Я люблю их и верю им.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В этом году исполняется 25 лет с момента забастовки на Гданьской судовой верфи, закончившейся созданием движения «Солидарность». Я пишу о «движении», а не о «профсоюзе», так как всякому очевидно, что эта организация в первой фазе своего существования — до объявления военного положения и в период своей подпольной деятельности, продолжавшейся как-никак почти в два раза дольше, чем II Мировая война, — была формой общественной самоорганизации, а форма профсоюза была единственной, которую власти, по крайней мере в самом начале, могли принять. Сегодня много внимания посвящено юбилейным торжествам — да и справедливо: в конце концов это движение стало началом конца коммунистической системы. Однако в тот момент, когда я пишу эти слова, публицисты еще только собираются с силами, чтобы поднять эту тему.

Правда, в связи с юбилеем уже началось сведение счетов с тем эпизодом истории Польши — эпизодом довольно длительным, по крайней мере с точки зрения одного поколения, — каким было существование страны под названием Польская Народная Республика. Вопрос о том, чем была ПНР, а также — какая литература ей сейчас посвящается, поставила редакция торунского ежеквартального литературного журнала «Тека» (2005, №2-4). Видный поэт среднего поколения Антоний Павляк (1952 г.р.) в статье «Внезапно пробудившийся от сна о Пээнэре» пишет:

«Иногда она выплывает из сна. Как кошмар, по-прежнему наводящий страх. Или как милое, сентиментальное воспоминание. Она — Польская Народная Республика. Пээнэр — это время, когда в кустах пили из горла бормотуху (она была по 17.50, а может, по 18, а четвертинка водки стоила 25 злотых), после которой не столько мучило похмелье, сколько драло горло от добавляемой в вино серы. (...) И вечеринки, первые поцелуи в такт доносящимся из проигрывателя «Бамбино» звукам пластинки на открытке, в треске которой едва удавалось опознать «You've got to hide your love away» Битлов. (...) Но и царящее чувство бессилия. И страха. Редактор, по требованию цензуры вычеркивающий из моего стихотворения строку

«лампа на столе у следователя», чтобы заменить ее топорным «лампа на столе из дурного сна». Вроде бы то же самое, но не совсем. Отказы в выдаче заграничного паспорта. Гэбэшники, таскающиеся за мной по городу. Заблеванные КПЗ. Подслушка и допросы. Два года армии, полгода интернирования. (...) Как все это рассказать тому, кто этого не испытал? Как рассказать, не впадая в сентиментализм или несносную нотку старых ветеранов?»

Стихи Антония Павляка, как давние, так и нынешние, — отличная летопись общественной жизни. Он не только поэт, но и редактор независимых, «подпольных» литературных журналов. И в то же время это человек, открыто пишущий о том, во что приходилось впутываться почти любому гражданину тоталитарного государства:

«Пээнэр была больной страной. Более того, это была страна, вызывавшая опасную эпидемию. Главные симптомы болезни состояли в том, что она делала людей серыми и трусливыми. Даже герои оккупации, которые безупречно пережили допросы в гестапо, при первых контактах с «народной властью» ломались как спички. Эта система растлевала людей, растлевала характеры, протискивалась в умы. Все мы, кто жил в Пээнэре, страдали этой болезнью. Меньше или больше. Ненормальная наша повседневность казалась нам нормальной. И вопреки всему, вопреки самим себе мы пытались свить в ней гнездо для жизни. Мы любой ценой считали, что живем в нормальной стране. (...) Где-то в стороне шла другая жизнь. Людей сажали в тюрьмы, били в участках, цензура приговаривала к смерти при жизни. Но мы притворялись, что нас это не касается».

Так, однако, продолжалось до некоторого времени — наступали моменты, которые пробуждали от равнодушия. Одним из них были события 1968 года — студенческий бунт и антисемитская кампания властей в марте, а в августе — вторжение войск Варшавского пакта в Чехословакию:

«В марте я понял, что людей можно избивать дубинками. Можно также избивать и убивать словом. Оказалось, что пресса, которая должна информировать, — лжет. Что расистские теории не умерли вместе с гитлеризмом (...). В августе я с удивлением констатировал, что лгут и учебники истории. Поляки, образ которых я вынес из уроков истории, — это люди честные, всегда сражающиеся за свою и чужую свободу. Между тем оказалось, что мы — народ, войска которого подавляют свободу. (...) В марте и августе 68 го я научился стыдиться того, что я поляк».

Тем не менее, стыдась или не стыдась, мы продолжали жить в ПНР.

«Пээнэр, — пишет Павляк в заключение статьи, — это прежде всего неустанная гимнастика. И неустанное «между». Гимнастика между тем, что думали, и тем, что говорили. Между тем, что говорили дома, и тем, что говорили на работе. Между верностью и предательством. Между правдой и ложью. Между орденом и камерой. Выбор принадлежал тебе».

Могло бы показаться, что в такой драматической напряженности, в подобной впутанности, в этой обдуманно тренируемой шизофрении скрыта необычайная повествовательная потенция. Ничего не надо — только сесть и все это описать, нарисовать героев, стоящих перед дилеммами, какие ставила перед нами пээнэровская жизнь. Умеет ли литература справиться с этим? Да и вообще — есть ли здесь какая-то литературная тема? Дариуш Новацкий, уже занимавшийся этой темой в своей книге «Великое вчера» (2004), ищет ответы на эти вопросы в статье «Открытки с того света»:

«Мы не могли, — пишет он о 90 х годах, — пожаловаться на отсутствие книг, действие которых происходит на фоне ПНР, и теперь не можем, хотя, наверно, их будет все меньше, а те, что появятся вскоре, вероятно, не произведут на нас большого впечатления. Эта тема — труп, и ничто ее не оживит».

Почему? Критик отвечает так:

«Мы имеем дело (...) с двумя процессами: с прогрессирующей стереотипизацией образа ПНР в появляющихся романах и рассказах, и с матрицированием. Стоит сказать несколько слов об этих матрицах. Первую я назвал бы ветеранским или мартирологическим комплексом. (...) Следующая матрица — схема ностальгически-мемуарного романа. (...) Наконец — так сказать, схема сведения счетов».

Как мы видим, заданный Павляком вопрос «как рассказать?» — вопрос принципиальный. Альтернатива — дух старых ветеранов или сентиментализм воспоминаний — похоже, исчерпывает возможности рассказать пережитое.

Но действительно ли это так? Пожалуй, стоит задуматься над словами Павляка о том, что в ПНР можно было научиться стыдиться быть поляком. Это хорошая, хотя наверняка не единственная исходная точка, позволяющая преодолеть схемы, очерченные Новацким. Может быть, вообще стоит задуматься

над самосознанием и обликом той личности, которую представлял из себя гражданин ПНР? В статье «Рапорт из осажденного города» во вrocławском журнале «Одра» (2005, №7–8) Петр Гайдзинский пишет:

«Гражданин ПНР жил не только в пространстве исторической лжи: тотальная, институционализированная ложь была частью повседневной жизни. Стефан Киселевский, журналист и католический деятель [все-таки еще и композитор и автор романов. — Л.Ш.], в конце 1977 года записал в дневнике следующее замечание: «Уж не стали ли мы случайно дегенератами? Если тридцать лет одобряешь — живя в его рамках — такое положение дел, при котором о белом говорят черное, диктатуру называют демократией, изнасилование — дружбой и т.п., то должны же из этого вытекать какие-то психические последствия. Хотя этому даже не веришь, хотя помнишь прошлое, а все-таки приятие этого, даже пассивное одобрение должно дать нравственно отрицательный результат». И давало, чего не изменило захлебыванье правдой, мощный глоток которой поляки получили между Августом [1980] и Декабрем [1981]. Доза правды, которая за 16 месяцев влилась в польские сердца и умы, ужаснула коммунистов, ибо была для них убийственной».

Наблюдение важное, хотя бы потому, что указывает на новые возможности выхода из схем, отмеченных Новацким в прозе, опирающейся на опыт жизни в ПНР: интересно было бы, с одной стороны, показать эту нравственную дегенеративность, о которой писал Стефан Киселевский, но с другой — необычайно увлекательной темой может стать (хотя и не обязательно станет) попытка реконструкции того, как «ужаснулись коммунисты» перед лицом не столько самого движения «Солидарности», сколько именно этой «дозы правды».

Это выглядит особенно существенным, потому что ложь, как логично показывает в своей статье Гайдзинский, стала основой деятельности экс-коммунистов после перелома 1989 г., то есть уже в свободной Польше. Ложь — вот еще одна тема, достойная быть развитой в прозе, особенно той, что обращается к наследию ПНР, — проникла, прежде всего в результате деятельности служб, так до конца и не очищенных от пээнэровских «специалистов», в политическую жизнь Третьей Речи Посполитой, став оружием манипуляции не только в руках экс-коммунистов, но и их бывших противников. Однако, как пишет в заключение статьи Гайдзинский, «августовские забастовщики 1980 года могут чувствовать себя

удовлетворенными: хотя в публичной жизни ложь выполоть не удалось, но, к счастью, «весна народов» 1989 года ликвидировала институциональную ложь, приписанную к государству. Политики лгут, но многие ли из нас могут сказать, что мы без греха? Хуже, что общество не изгоняет ложь решительней, пользуясь избирательными бюллетенями. И хотя не стоит предаваться иллюзиям — ложь всегда будет частью публичной жизни, — однако, на мой взгляд, она будет все менее успешной, а главное и лучше всего гарантирующее успех — ее будет все труднее скрывать. Укрепление демократии и демократических рефлексов, развитие СМИ и все более современные технологии — все это приводит к тому, что жизнь политиков становится «прозрачнее».

Оптимизм Гайдзинского вызывает у меня большие сомнения. Тому есть несколько причин. Самой главной из них я счел бы отчуждение польских граждан от политики. Избирательными бюллетенями пользуется сравнительно небольшая доля граждан. Возможно, это тоже наследие ПНР. Вот что пишет Павел Спевак в статье «Урок Токвиля. О демократии в Польше», опубликованной в гданьском ежеквартальном журнале **«Пшеглэнд политичный»** (№71, 2005):

«Перелом 1989 года в малой степени изменил статус и представления аполитичного человека. Гражданские позиции, а значит, и политическое мышление не нашли удобной возможности выйти на сцену. Всего лишь слегка преувеличивая, можно сказать, что со времен первого некоммунистического премьер-министра ПНР и по сей день наши политики в минимальной степени принимали во внимание значение политической мобилизации. К гражданскому обществу относились как к пасынку, и мало что было сделано для укрепления элементарных свобод. С самых первых выборов (1989) участие граждан в выборах весьма скромно, и многое показывает, что эту тенденцию трудно повернуть — наоборот, она скорее обостряется. Коротко говоря, логика построения демократического строя после 1989 г. имела мало общего с этим опытом, хотя занимались этим бывшие активисты оппозиции, лица, активно участвовавшие в движении «Солидарности». Констатирую это не без сожаления, одновременно отдавая себе отчет в том, что, может быть, другое решение было либо невозможно, либо не вмещалось в голову ни тогдашней политической элите, ни широкой политической публике».

На этом, однако, Спевак не кончает, прибавляя:

«Многие социологи указывают на процесс нарастания политической апатии, измеряемой слабым участием как в парламентских, так и в муниципальных выборах и местных референдумах, а также декларируемой незаинтересованностью политическими делами. Политически активная публика выглядит довольно немногочисленной — прежде всего она заужена до круга лиц с высшим образованием, живущих в основном в больших городах и связанных прежде всего с частной хозяйственной деятельностью. В то же время социологи, чтобы подтвердить тезис об асоциальном и аполитичном индивидуализме, на многочисленных данных показывают, что снижается, притом резко, доверие к институтам государства, партий и политической системы, к правящим классам, а заодно и к себе самим».

Автор, похоже, верно находит истоки таких позиций как раз в пээнэровском прошлом:

«Проблему составляют унаследованные и в большой степени окрепшие в эпоху реального социализма представления о природе власти, которые мы переносим в новые времена, и в то же время естественная страсть к деньгам или, иначе говоря, страх оказаться ниже и жажда забраться повыше. Первое способствует этатизму, которому дает законную силу всеобщая демократическая зависть. А страсть к деньгам в свою очередь — при отсутствии навыков самоорганизации — отвлекает мысли от публичной жизни. Политической апатии способствует не только экономизация сознания, но и господство в политике государства экономистов, знающих соображения только своей профессии и не столько жаждущих свободы, сколько — на благо народа, но без народа — навязывающих ему готовые решения, согласующиеся с последними догмами их «учения»».

С такими оценками трудно поспорить. Нет сомнения и в том, что мы по-прежнему живем в тени той больной страны, в тени ПНР — страны, которая, в частности, не только научила нас существовать в пространстве лжи, но и выработала в нас позицию политической апатии, нездорового — и заметного почти во всей литературе, возникшей после 1989 го, — отчуждения от политики, ход которой по-прежнему кажется большинству поляков независимым от того, что сделают они сами.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «В этой стране, где все идет наперекосяк, нам удалось вырастить поколение людей, которые умеют и думать, и веселиться», — заявил Юрек Овсяк после окончания последнего фестиваля рок-музыки «Остановка Вудсток-2005». «Овсяк создал психосоциальный заповедник, — комментирует социолог Яцек Кужемпа. — Здесь предают забвению политические споры, взаимные претензии, шовинистические предрассудки. Пусть даже ненадолго... Овсяк предлагает лекарство от тревог молодежи, дает им иллюзию, что существует иной мир... Он дает им возможность разрядить накопившиеся разочарования, и делает это превосходно». Добавим, что «Остановка Вудсток» — это, пожалуй, самый крупный в Европе музыкальный фестиваль под открытым небом, на который в этом году съехалось около трехсот тысяч человек. Главным образом из Польши, но в этом году в фестивале впервые участвовала большая группа молодых немцев. Это и понятно: группы из Германии были музыкальными звездами фестиваля, который проходил уже в одиннадцатый раз. У его молодых участников общие ценности, ставшие девизом фестиваля: любовь, музыка, дружба. Молодежь подчеркивает, что на фестивале Овсяка чувствуешь себя в безопасности, что подтверждают также сообщения полиции.

• Польская современная музыка царила на премьерном фестивале в Катовице, где впервые были представлены самые свежие произведения отечественных композиторов. «Семь концертов, 29 первых в мире исполнений, шесть первых — в Польше, никаких повторений, — пишет рецензентка «Тыгодника повсехного». — Какова (...) современная польская музыка? Фонтанирующая новыми идеями, ищущая и находящая, блестяще концертная, продолжающая славные традиции религиозного хорового искусства. И во всей этой разнородности — нередко просто великолепная. Но больше всего радует тот факт, что польская музыка избавилась от синдрома «соломенного огня»: быстро вспыхивающих талантов в молодом поколении и традиционалистской скуки — в старшем. Ибо на фестивале были представлены работы зрелых композиторов в возрасте около 50 лет». Героями

прошедшего в первый раз «Фестиваля премьер» были Кшиштоф Китель, Петр Мосс, Тадеуш Велецкий, Магдалена Длугош, Павел Мыкетин, Богуслав Шеффер, Миколай Гурецкий.

- Свое 60-летие празднует один из самых давних непрерывно действующих фортепьянных фестивалей в мире — Шопеновский фестиваль в Душниках. В этом году он открылся сольным концертом Григория Соколова, а вслед за ним выступали музыканты, известные по своим памятным выступлениям на варшавских Шопеновских конкурсах (Станислав Бунин, Филиппе Джузиано, Данг Тай Сон) и победители состоявшихся в этом году конкурсов молодых исполнителей им. Ван Клиберна и Чайковского (в Москве) и им. Артура Рубинштейна (в Тель-Авиве).

- «В течение всего года зрители приходят в театр, — пишет рецензент еженедельника «Политика», — а летом, в сезон каникул и отпусков, наоборот: театр приходит к зрителю. Эта надо понимать буквально: спектакли показывают на улицах, автомобильных стоянках, городских площадях и в парках». Фестивалей и ретроспектив действительно немало, на протяжении всего лета есть что посмотреть и куда поехать, а Варшава просто бурлит от театральных представлений, которые разыгрываются почти в каждом уголке столицы. В этом году начали функционировать сады Фраскати, где нашел себе гостеприимное прибежище Международный фестиваль садово-парковых театров.

- Две постановки «Гамлета» оказались самыми интересными событиями уже девятого по счету Шекспировского фестиваля в агломерации городов Гданьска, Гдыни и Сопота (т.н. Тригороде), организованного фондом «Theatrum Gedanienis». «Гамлет» из Тель-Авива «насквозь пронизан идеей, — пишет Ян Бонча-Шабловский, — что государство, погрязшее в грехе и безнравственности, неминуемо погибает». История Принца Датского в постановке Генрика Кляты — это, по словам того же критика, «повествование о распаде ценностей, без которых не было бы свободной Польши. Это горький диагноз, поставленный обществу, которое уже немного помнит из идеалов Августа 1980 го». Добавим, что этот спектакль идет на территории Гданьской судоверфи, сегодня превратившейся в опустелую колыбель «Солидарности». Большой интерес у зрителей вызвал также московский спектакль «Три сестры», который, несмотря на название, не имеет ничего общего с Чеховым, а рассказывает... о трех дочерях короля Лира.

- Большой успех на Авиньонском театральном фестивале в этом году выпал на долю спектакля «Крум» Кшиштофа

Варликовского. Варликовский приезжает в Авиньон третий год подряд — там он нашел признание как один из самых выдающихся европейских театральных режиссеров. Его театр критика назвала «продолжением театра видений, начало которому в Польше положили Мицкевич и Выспянский», а публика, поднявшись с мест, устроила овацию.

• Лето в кинематографе — это также прежде всего фестивали, на которых показы старых фильмов состязаются с предпремьерными просмотрами блокбастеров нового сезона, однако коммерческое кино, как правило, уступает место фильмам с более высокими творческими запросами. В перенесенном из Казимежа-на-Висле в Торунь (тоже, впрочем, на Висле) фестивале «Кинолето» наряду с конкурсными просмотрами стоит упомянуть о ретроспективе, приуроченной к 30 й годовщине комедии-гротеска «Монти Пайтон и святой Грааль» и иллюстрирующей творческий путь группы английских авторов-абсурдистов. В Казимеже, где торжественно открылся новый фестиваль под названием «Горячие темпераменты», триумфально выступал Ежи Штур (на встречах со зрителями и в фильмах Кшиштофа Кеслёвского), а одним из важнейших событий стал показ на кинорынке фильма «Безудержный» венгерского режиссера Марты Месарош, рассказывающего о последних двух годах жизни Имре Надя, — с Яном Новицким в роли венгерского революционного политика. В свою очередь в Любомеже, городке, где когда-то Сильвестр Хенчинский снял комедийный триптих «Свои люди» и где с того времени кино в особом почете (есть даже свой музей кино), ежегодно проходит фестиваль — разумеется, кинокомедий.

• Однако самым интересным со всех точек зрения фестивалем нужно считать организуемые уже в пятый раз в Тешине встречи под названием «Эра — Новые горизонты». В этом году в его программу были включены почти все громкие премьеры сезона, еще не вышедшие в прокат, а также множество документальных и экспериментальных фильмов, которые никогда не появятся на больших экранах. Событием стала также ретроспектива творчества Райнера Вернера Фасбиндера, уже умершего режиссера, принадлежавшего к тогдашней западногерманской «новой волне». «Любопытным образом, — пишет об этих встречах Павел Т. Фелис, — здесь столкнулась радость от просмотра фильмов с постоянно возвращающимся раздумьем о смысле кинематографа, его чуде и, тем не менее, определенной извращенности... Зарубежным гостям нравится программа — фильмы высокого художественного уровня, разнообразные, тщательно выисканные на лучших мировых

фестивалях». Ничего удивительного в этом нет, поскольку составляет программу фестиваля Роман Гутек, лучший в Польше специалист в этой области и великолепный знаток всего, что происходит в кинематографии во всем мире.

- В списке бестселлеров все более высокие места занимает «Павлин королевы» Дороты Масловской. Тем не менее журналист Анджей Ростоцкий, автор колонок в «Тыgodнике повшехном» и «Жечпосполитой», пишет об этой книге так: «Наверное, я все-таки полный идиот. Я не в состоянии обнаружить здесь те ценности, которые видят в ней коленопоклоненные рецензенты. Ибо для социолога констатация, что жернова массовой культуры перемалывают всё и вся, представляется малооригинальной». Кроме того, в первую десятку польских бестселлеров вошла повесть Катажины Грохоли («Индивидуальность ночной бабочки») и целых три книжки из «плодовой» серии издательства Прушинского, в которой все книги посвящены перипетиям женских судеб. То есть снова женщины впереди. В литературе, не относящейся к художественной, мы находим книгу знаменитого сатирика Станислава Тыма «Лез около козёл. Произведения, избранные из корзины», о которой критик пишет: «Если бы Станислав Тым решился на клонирование, то глупость, с которой он борется, быть может, ушла бы в глухую защиту. Это не сатира — это просто необходимая терапия для тех, кто не хочет окончательно свихнуться».

- Миновала первая годовщина со дня смерти Чеслава Милоша. В Кракове, на доме, где он жил, была открыта мемориальная доска. Остальные намеченные мероприятия еще предстоит реализовать: в частности, должен выйти в свет том последних, еще не публиковавшихся стихотворений поэта».

- «Ник Карпинский, американец польского происхождения, содержащийся в закрытой психиатрической клинике, рассказывает своему врачу подлинную (по его словам) историю жизни супруги президента Польши. Бурный диалог между психиатром и его пациентом — композиционная ось романа, а их спор касается деликатной материи — современного сознания», — пишет Эльжбета Савицкая о последней книге Стефана Хвина «Жена президента». «Этот роман, — пишет Дариуш Новацкий, — относится к жанру «political fiction»... Хвин глубоко видоизменил уже существующую жанровую форму... Это «political fiction» с философскими амбициями, попытка соединить приключенческую фабулу с элементами морального трактата». Сам Хвин комментирует: «В моей последней повести я опираюсь на материалы из архива одного

знакового психиатра. Это поразительные тексты пациентов, в которых удивительным образом отражались события в Польше и остальном мире».

- «Он был одним из самых выдающихся польских скульпторов последней половины столетия, — пишет о Владиславе Хасёре Петр Сажинский. — И не только из-за самого творчества, которое многие считают новаторским. Еще и потому, что помимо его воли это творчество переплеталось с политикой, с судьбами страны». Крупная индивидуальная выставка работ Владиславе Хасёра открылась в варшавском Национальном музее. Куратор выставки Анна Жакевич написала: «Хасёр был скульптором, который глубоко изучил и творчески развил жанр, называемый ассамбляжем. Он создал свои знамена — наполненные глубинными смыслами произведения, находящиеся на грани между скульптурой и уникальной тканью. Он был автором необычайных памятников с использованием природных стихий — огня, воды и воздуха».

- Очередной, уже 15-й по счету Фестиваль еврейской культуры в Казимеже, бывшем еврейском квартале Кракова, снова привлёк сотни авторов и исполнителей и тысячи зрителей со всего мира. «Хотя в программе фестиваля, — пишет Анна Бугайская, — было множество интересных выставок, мастер-классов и встреч, как всегда, самым сильным его элементом была музыка. В Краков приезжают самые выдающиеся еврейские музыканты... Директор фестиваля Януш Макух каждый год приглашает в Казимеж все новых и новых артистов, а исполнители, известные по своим предыдущим выступлениям, возвращаются сюда только с новыми проектами... В лучшем концерте фестиваля выступил Джошуа Нельсон, чернокожий иудей, который на мелодии негритянских спиричуэлс поет тексты еврейских молитв и псалмов. Вместе со своим музыкальным ансамблем и хором, столь же красочным, как он сам, он заставил слушателей быть вне себя от восторга. Он исполняет уникальную музыку, которую он сам называет «кошерный госпел»... Когда начинался заключительный концерт, площадь в самом центре краковского Казимежа была уже переполнена... Люди сидели на окнах и на крышах, танцевали перед сценой и за ней, на лестницах синагог и в маленьких переулках».

- В архитектурном конкурсе на лучший проект Музея истории польского еврейства, который должен быть сооружен в Варшаве в самом сердце прежнего гетто, победу одержал проект двух финских архитекторов (Илмари Лахдельма и Райнера Махламяки). «Музей... будет одним из самых современных не

только в Польше, но и в Европе, — пишет репортер. — Его мультимедийная экспозиция станет огромным повествованием о почти тысячелетней истории польских евреев». Открытие музея намечено на 2008 год.

• 50 летие своего существования празднует варшавский Дворец культуры и науки — «дар народов Советского Союза». И хотя в свое время он, несомненно, смотрелся в столице архитектурным диссонансом, а под его площадку были снесены целые кварталы старых районов, сегодня он стал почти символом Варшавы, без которого уже трудно себе представить панораму столицы. Кроме того, он «неожиданным образом, — как пишет Дариуш Бартошевич, — оказался созвучным капитализму и новым временам. В нем уже размещалось казино и универмаг. Сейчас он играет роль коммерческого офисного здания. Внутри есть банк, почта, многозальный кинотеатр, клуб и ресторан. Дворец по-прежнему остается важнейшим в столице центром съездов и конгрессов, там размещаются самые крупные концертные залы. Этот памятник соцреализма уже зарабатывает на себя сам». Надо полагать, в эпоху быстро развивающегося польского капитализма это самый большой комплимент «сталинскому» высотному зданию. А вдобавок — то, что люди позабыли, что он был когда-то символом подчиненности и порабощения.